

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Небесное коромысло

СТИХИ. ИЗБРАННОЕ

МАГАДАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОХОТНИК»
2020

ББК 84(2=411.2)6–5

Г20

Предисловие
Г.А. Склейнис

Гарипов А. А.

- Г20 Небесное коромысло. Стихи. Избранное : стихи / Алексей Гарипов ; ред-сост. П. Жданов ; предисл. Г. Склейнис. – Магадан : Охотник, 2020. – 196 с.

ISBN 978-5-906641-64-9

«Небесное коромысло. Стихи. Избранное» – пятая книга стихов Алексея Гарипова. Она, по сути, является юбилейным изданием. В 2020 году поэту исполняется 50 лет. Солидный срок. В сборник вошли стихи, опубликованные в книгах «Всё из ничего» (2003), «Несвобода небосвода» (2010), «Небо ноября» (2014), «Я ушел» (2016). Каждая из них представляет главу в «Небесном коромысле». Пятую часть составляют стихи, ранее не публиковавшиеся и созданные в период с 2017 по 2020 год. В «Небесное коромысло» вошли и оригинальные стихи, написанные специально для вышедшего в свет в 2019 году фотоальбома Расула Месягутова «Уходящее настоящее». Этот альбом можно по праву считать еще одной книгой поэта.

В литературе Северо-Востока конца XX – начала XXI века творчество Алексея Гарипова занимает особое место. Его стихи, поражая искренностью, открывают целый пласт, часто болезненно обнаженный, мировоззрения современного человека. Людмила Тарасова в «Литературной газете» писала: «Стихи Гарипова – это выплеснутая на бумагу боль, тяжесть от собственной неприкосновенности, чуждости окружающему миру. Для его лирического героя реальность – словно каменистая почва, в которую он никак не может врастить корнями своей души: эта почва его отвергает. В этом ощущении чуждости – истоки страшных, отталкивающих образов мира, свойственных поэзии...» Стихи Алексея Гарипова являются частью культурного целого. Без них в будущем трудно будет объективно представить современный мир.

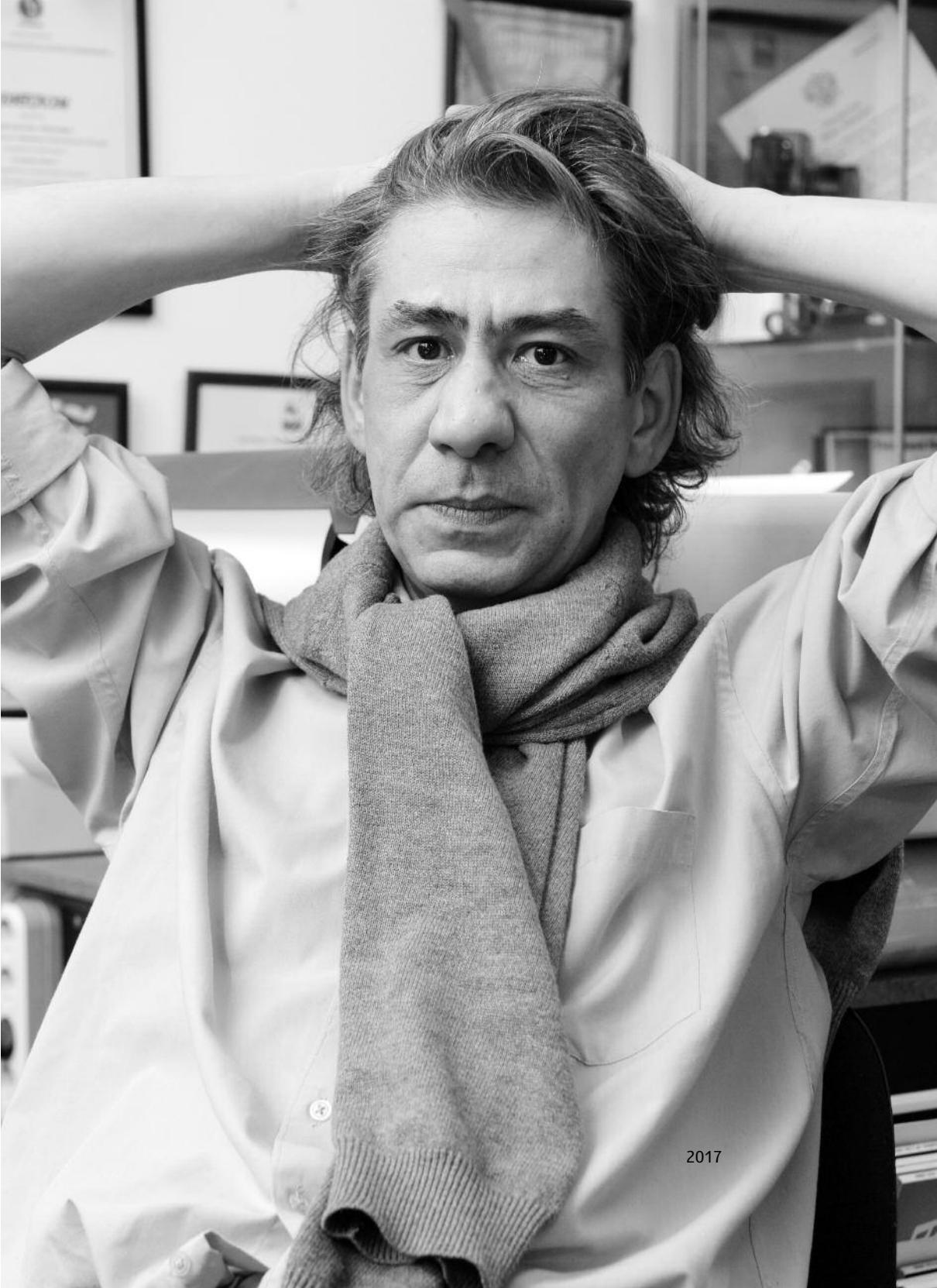
Все ранее выходившие книги поэта иллюстрировались известными магаданскими художниками Александром Пилипенко и Владимиром Мягковым. В юбилейном издании каждая часть сопровождается портретами Алексея Гарипова, сделанными в 2002, 2010, 2015, 2016, 2017 и 2018 году Расулом Месягутовым, Павлом Ждановым и Андреем Осиповым.

ББК 84(2=411.2)6–5
Г20

© Гарипов А. А., 2020

ISBN 978-5-906641-64-9

© Издательство «Охотник», 2020

2017

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

ЧЕРНОЕ МЛЕКО СОЗВЕЗДИЙ

Говорить о юбилейной книге Алексея Гарипова мне хочется, начав с цитаты:

«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий
о судьбах (едрен батон) моей родины» –
великим и могучим языком – таким, чтобы сразу умерли
все враги вокруг – сочным, ядреным, железобетонным».

Цитата эта – реминисценция на стихотворение в прозе великого И. С. Тургенева «Русский язык». Вроде и полемически переосмысленное стихотворение, но ведь смысл не оспорен, язык действительно «великий, могучий, правдивый и свободный». В то же время видишь, как умело и тактично автор сборника ставит под сомнение назначение языка. Это не «поддержка и опора», а что тогда? Для ответа на этот вопрос надо читать другие стихотворения Алексея Гарипова. Самый красивый ответ дан в названии «Я должен исчерпать звезду». В этом же стихотворении объясняется то, что мы традиционно называем темой назначения поэта и поэзии:

Я должен вычерпнуть звезду
из молока черного созвездий.
Я – в бестиарии, мы *вместе*
И вместе близимся к костру (курсив мой).

«Черное молоко созвездий». Таково восприятие автором русской «неблагообразной» «фантастической» реальности (по Достоевскому). Не скажу, чтобы в последнем сборнике (а мы говорим о пятом сборнике стихов Гарипова) это мировосприятие стало более оптимистичным. Неслучайно вновь появляется слово «бобок», не каждому понятное и взятое из одноименного рассказа Достоевского. (Предлагаю считать его эвфемизмом к непечатному слову, скажем, кранты...) Художественный мир по-прежнему жесток и безысходен, но безысходность разбавлена мудростью («ведь даже

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

мне уже полтинник»), юмором, пусть даже мрачноватым, но при-
мирающим с неблагообразием. И, кроме того, есть стремление
к свету. «Мы вместе и вместе близимся к костру».

В сборнике стихов меня поразило своей широкостью (по Достоев-
скому: «Широк человек, я бы сузил») одно небольшое произведе-
ние:

Настучать, донести, насексотить –
Этот ген из крови не выводится.
Сколько б нации ни вырождаться, –
Человеческое не истребляется.

Важное достоинство лирики Гарипова – умение сказать непри-
вычное о привычном.

Имя Достоевского возникло у меня неслучайно. Когда-то Алексей
Амирович был моим учеником и писал дипломную работу «Мотив
самоубийства в романе Ф. М. Достоевского „Бесы“». Его рецензент,
мой коллега Виталий Иванович Пинковский, скромный на похвалы,
высоко оценил работу, сказав о ней: «Работа написана с азартом».
Так же, с азартом, уже много лет пишет свои стихи А. Гарипов.

Я намеренно не хочу анализировать сборник автора с точки зрения
тропов: непривычных ассоциаций, умело использованных выра-
жений, парадоксов и метафор. Не хочу потому, что Гарипов не нуж-
дается в признании и поддержке. Это мастер слова. Признанный,
состоявшийся поэт. Человек, постоянно работающий над собой
и творчески, и интеллектуально. Поэты его уровня должны творить
дольше. Не пришло еще время «уходить к Верхним Людям»...

*Доктор филологических наук,
профессор кафедры русской филологии
и журналистики СВГУ
Галина Склейнис*

2002

Всё
из
ничего

2003

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Я поэт. Я – поэт!
Твою славу с хулой равно делящий.
Лью идеи огнем я в толпу,
только мне в них не верится.
А толпа без штиблет,
а толпе нужно хлеба и зрелища,
и она видит дырку во лбу
там, где глаз третий щерится.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

ОФЕЛИЯ

Офелия, мы будем бороздить
моря и реки, бездны океанов.
Друг друга нам с тобою не излить,
не выстроить вселенских божьих храмов
лишь потому, Офелия, что мы,
увы, не боги, мы, к несчастью, смертны,
а может, к счастью. Тридцать три зимы
уж прожиты, и стали мы заметно
сварливы, склонны, скаредны во всем,
что б ни касалось призрачного блага.
Друг друга мы вовек не изольем,
но нас, как тушь, впитает лет бумага.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Благодарение в нагаре, сник покой.
И я молчу тебе безумными ночами
О том, что скоро встретимся с тобой,
Быть может, через тысячи отчаяний,
Быть может, через пару пустяков,
Как-то: перемещение в пространстве
По линиям бегущих проводов
В обличии невидимых субстанций,
Нас разделяющих, им счету просто нет.
И потому я прячу в анаграммах
Мой путь к тебе, чтоб не напал на след
Какой-нибудь истошный Харе Рама.
Ему их никогда не разгадать,
И тем я уменьшаю расстояния
В тугих попытках плавно избежать
Опасности изломов многогранья.

Покоя нет, да где ж его найти,
Когда густеют тяжкой паранойей
Мазки моих немыслимых картин,
Усыпанных увядшою листвою.
Взирая из разбитого окна
Заброшенного сумрачного зданья,
Я проникаю в темень, где луна
Полна истошной дрожи ожиданья,
Где завершает свой виток спираль
И, подводя печальные итоги,
Склоняется над миром Femme Fatal.
Ей имя Смерть – в одном щемящем слоге.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Любимых песен гул,
любимых бред стихов,
стиск обозленных скул
любимой...
жизнь без слов.
Молчание вдвоем
как рваная десна.
Кровавый водоем
молчанья...
жизнь без сна.
А ткань полосовать
по венам, по стихам,
да обнаружить кладь
безжизния.
А там?

А там чертополох,
Полынью – звездопад.
Там крик, что не исторг,
там тиши, и молчь, и хлад.
Покой – чужой покой,
и блажь – чужая блажь.
Здесь бродит домовой –
ценитель постных каш.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Прежней сути остав – пустотой без изъятий,
Тишина по квадратам молчащих углов.
Тень застывших часов над угрюмой кроватью.
Нависающий *fatum* написанных слов.
Это грех, это страх: от мерцающей ванны
До мерцающих звезд, прямо в холод и мрак,
Где на бледных телах тускло светятся раны.
Это вздернутый пес на подъездных дверях.
Тошнота. Тошнота. И не только у Сартра.
Я не встану отныне под сенью креста.
Ожиданий тщета от апреля до марта.
Все равно каждый сгинет с усмешкой в устах.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

ФРЕСКИ

Наплыл закат багровым заревом,
И в нем повесилась тоска.
Кровавой пастью тучи замерли,
Как в ожидании броска.
Разрытые могилы в космосе
Горели светом бледных звезд.
По мокрой штукатурке росписи
Осипались под градом слез.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Стеклянный глаз луны
На лоне мертвой ночи
Застыл в сосредоточьи
В предчувствии войны.
Нам не постичь, где мы –
Здесь страшно в многоточьях.
И души рвутся в клочья
На холоде зимы.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

СОКРАЩЕНИЕ СОКРата

Если будет ночь словно нож,
Если будет день словно тьма,
Мне наотмашь выльется дрожь
По щекам из странного сна.
И когда меня ослепят,
И когда мне вырвут язык,
Я допью премудрости яд
В предвкушеньи божией мзды.
В нисхожденьи пьяном с ума,
В ожиданьи ветра из слез
Я войду в его закрома,
До которых дух мой возрос.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

ЕВРОПЕОИДНОЕ

Экклезиаст был первый декадент.
История есть мнимый перманент.
Из вечности не исключить момент,

В который ты явился невпопад
Расчетам высших сил из горних врат,
Чтоб натворить здесь бед и кануть в ад.

Взывает словоблуд и некромант
К иным мирам, мусоля диамант.
В молчании является вам Кант,
Иль всякий, кто б украсить мог бомонд,
К нам простирает длань горизонт.
Я выхожу и раскрываю зонт

Мы знаем, сколько стоит лиха фунт.
У нас есть Златоуст, у них – Гольдмунд.
Фашизм есть братство плюс свобода und

Из равенства расцветший гуманизм
Антропофагов. Глядя в грани призм,
Я прославляю эгопо...изм.

ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЙ
БРУС СОВРЕМЕННОСТИ (ФУТУРОБУС)

Забросить стихи за пазуху бытия.
По очертанью песочного следа узнавать движенье планет.
По шелесту листьев предчувствовать приближение судного дня.
И по сиреневой россыпи тащить тяжесть прожитых лет –
семнадцать, двадцать семь, тридцать три...
Шестидесятники были еще в девятнадцатом.
Петух революции давным-давно охрип.
Куда ему с гадаринскими свиньями тягаться-то.

Низвергнуться с выси тридцатого этажа
и втиснуться в землю растекшимся эпаташем.
Пытались ли вы ходить по лезвию ножа?
Но где же взять такой нож длиною в косую сажень.
А всаживать в тело его куда проще.
Печать убийства на лбу несмыываемой сажей.
Ты пробовал выйти на Красную площадь
и заорать: Жизнь – е...чая ложа?
Пробуй-не пробуй, сегодня тебя никто не поймет,
никто не скрутит, не свяжет, не вмажет,
не поведет на эшафот.
А ты – все равно выди и заори:
Жизнь – е...чая ложа!!!
Нет, не пытался... Ты мыслишь метафизически.
Добро и зло – это и есть космогония.
А ты – соверши великую мерзость
и вызовись сесть на стул электрический,
но мыслишки вязнут в какой-нибудь там теургии.
Гони их
Взглядывая на мир исподлобья,
проходя по миру внутренне скаввшись, ссугулясь,
даже не возникнет желания просить потомков о надгробье,
потому что все равно набогохулишь.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Убегать от холода в постель,
убегать в постели от раздумий,
от раздумий втискиваться в щель,
пребывать в *cogito ergo sum*'е.
Безнадежно растекаться вширь,
и какое там *dum spiro spero*,
если источила душу сирь
безысходною тоскою серой.
Non ut edam vivo. Бытие.
Sed ut vivam edo. Поеданье.
Звона колокольного в литье
нет, но уж набата прозябанье
чудится в разрыхленной земле
до поры, до времени, до часа.
Загремит царь-колокол в Кремле
безъязыко, только не безгласо.
И когда падет твой третий Рим,
то уже ничто не возродится,
и зажжет безмолвно херувим
грешную земную колесницу.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Капля твари
вытесняет Бога.
М. Экхарт

Я сторож. Я сижу на стреме.
Неверный страж сырых углов.
Хароном на пустом пароме
переплываю Стикс... Иов
на берегу подмышки чешет.
Над ним глумится пьянь да рвань.
Я наблюдаю каждый вечер,
как вытесняет Бога тварь.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Стократ Сократ твердил Ксантиппе:
Прошу, Ксантиппа, не скрипи.
А на сто первый взял да выпил
вины, цикутой подкрепив.
Не мчатся колесницы по небу.
Тоска – ни сердцу ни уму.
А он листает теогонию
и, право, все равно ему.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Хорошо, если снег, хорошо, если дождь,
хорошо, если ты никуда не идешь,
а сидишь у окна, чай со сливками пьешь,
хорошо, если ты не какая-то вошь.
Хорошо, если есть у тебя теплый душ,
и родня, и детишки, жена или муж.
Хорошо, если нет тяжких бед, горьких нужд,
если ты не в пустыне среди мертвых душ.
Хорошо, если есть горстка светлых надежд,
спиши спокойно и ешь. С аппетитом ведь ешь.
Хорошо, коль последняя заткнута брешь,
и рубаха чиста, воротник белый свеж.

Хорошо, но какого рожна мне нужна
та страна, где не выберешься из говна,
так что, глядя на сирь да на хлябь из окна,
из вращенья не выскочить веретена.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Родиться в России –
это значит
услышать первым словом
добрый мат пьяной акушерки:
– А ну, кричи, засранец... твою мать...
Это значит
хрипеть всю жизнь под сапогом режима
и сгнить,
снесенным проточными водами,
далеко от своей могилы.
Родиться в России –
это... Бобок!

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Низко-низко тучи стелятся
млечным морем разливанным.
Мне же все никак не верится,
что я кончу Магаданом.
Без дороги в снежных вывихрях,
в скопище всех жертв Берлага
висну я на этой дыбе, бля,
ожидаемого блага.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

В пургу блуждают мертвецы
по темным улицам в потемках.
Они – бездомные слепцы –
царапают стекло поземкой.
И бьется снежная крупа
в ночные окна, сумасбродит.
Их прах покойится в гробах,
их дух покоя не находит.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Выкуривая пачку за ночь,
блюя под утро черной желчью,
забыться, скорчась на диване,
во сне без сна, в рассветной мгле,
протягивая в бозе ноги
и кутаясь в руно овечье,
ты бредишь жаром демагогий
о бытие... и на игле
трепещешь черным махаоном
иль скорпионом в хлороформе,
вздуваясь, медленно всплываешь
со дна под плоское стекло.
Нас поведут по звездосклону,
по пелене иссиня-черной,
сольемся мы с вороньей стаей,
чтоб нас ветрами увлекло
за край, за синь, за страх и трепет
в небытие, в ничто, в ничто.

Давай простим всех, с кем не встретил
рассветов, скомканых мечтой.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Быть может, я к тебе приду,
ты будешь мне ужасно рада.
В священнодействии обряда
одно мгновение в году
переливаем мы беду
в ладонь и снова из ладони
и, растворяясь в небосклоне,
переплываем за гряду,
взирая вниз на ерунду
земного сумаснисхожденья.
Мы не постигнем повторенья
в теченьи, стоя на мосту,
в жару качаясь и бреду,
измученные суетою...
Когда-нибудь тебя с собою
я в бесконечность уведу.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Из расковырянных глазниц
стекают жертвенные слезы.
Мы наконечниками спиц
в асфальт втираем туберозы.
Я не паду пред Богом ниц
на обжигающем морозе.
А в трепете твоих ресниц –
печальный тлен остывшей розы.

Ты мой незыблемый остов,
ты мой алтарь для покаянья.
А в ужасе твоих зрачков –
всевидящее расставанье,
жар еретических костров,
преодоленье расстоянья,
осуществленье тяжких снов
и мракодейство заклинанья.

Возлягу я на мрамор плит
в непроницаемой алькубе
и вырежу из сердца сплин,
его напялив на трезубье.
Я нерушимый монолит
в трухлявом дереве на срубе.
Мозг – размягченный маргарин –
спит в разлагающемся трупе.

Ты – след змеиный на песке,
я – росчерк акинака скифа.
В ночной немыслимой тоске
души истерзанные всхлипы,
а в изметавшейся душе
тоски разодранные струпья.
Нас нет, нас не было уже,
когда стояли мы на кубе.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Я обесточу провода
и выключу на небе звезды.
Я больше не желаю ерзать
под светом. Мне он ни черта
не может дать. Я не растенье.
Я есть путь к самоотречению.
Я суть вселенская тоска.
Я маска скорби, маска тлена.
В ночной улыбке гуинплена –
крестообразная доска.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

«Я изблюю тебя из уст моих»,
я исцелую до крови зарю,
я подарю тебе свой черный стих
и раненое сердце подарю.
Я кану в прах, я буду нем и глух,
когда тоска замечется бесясь,
укутаюсь в землистый серый пух
и распишу на темных стеклах вязь.
Я испытаю самый жуткий страх,
я испытаю сумрачный восторг,
я остров превращу в архипелаг,
а город – в крематорий или морт...

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

В современных мужчинах, представленных женщине женщиной,
много скрытых морщин и интеллектуальной потенции.
Они любят трепать языком и махать полотенцами,
а еще очень много в них люмпенства и абстиненции.
Современный мужчина приходит с бутылочкой водочки
к dame сердца и вилочкой хочет разбить одиночество.
Он болтает о быте, вещает чудные пророчества
и дырявый носок ловко прячет под стулом, и корчится
дама сердца от смеха, от пошленького анекдотыца.
Все банально кончается мглой, ну а после расходятся...

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Я теперь семьянин, папочка,
на работу хожу с папочкой,
скоро буду ходить с палочкой
или в белых лежать тапочких.
Я теперь не гуляю с девочкой,
у которой колготки со стрелочкой,
я лежу на диванчике с грелочкой,
очень скоро допьюсь до белочки...

2010

Несвобода небосвода

2010

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Вы – корм, мышь.

В. Соснора

...Бабки так и сидят у разбитых корыт,
ибо мы обитаем в обители быта.
Ни один из тех смыслов, что Небо нам выдало,
ни на йоту Великим Челом не раскрыт.

Не мыслители, а провидения выкормыши,
роковые ошибки Создателя мы.
Человек, и куда ж ты грядеше, и что ты решил?
Одного лишь боишься – тюрьмы да сумы.

Ни убийства, ни Бога, ни богоубийства.
Так зачем нам искать какого-то смысла...

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Как ни свет ни заря
разбудили богатыря.
Прохрюкал хряк,
прогоготал гусак.
Разбудили богатыря
почем зря...

...Наш богатырь губы надул,
На масле обжегся да на воду подул.
Посучил ногами,
развел бурю в стакане...

...Ходил-маялся богатырь:
Где б достать на пузырь?
Заглянул за оклад —
там рублей пятьдесят.
Матушка сховала —
на похороны собирала.
Добро — худо ли у Бога тырить,
все одно — богатырь ить...

...Лежит богатырь в овраге,
напившись зеленої браги.
Гул по земле стоит —
наш богатырь спит-поспит...

...А ни свет ни заря
разбудили богатыря...

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Как присел Иван
на стакан,
да погнался за оным
змий зеленый.
И ворвался в его сон
белый конь.
Неспокойно дурилке
без бутылки.
Посетили его вскоре
пьяны зори.
Да унес его вон
белый конь.
Не садился б ты, Иван,
на стакан.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Имярек, нареченный Фомой, без веры,
за пазухой с фомкой, до высшей меры
беру все от жизни, не зная меры,
из всех имен не люблю лишь Веру.
Я дышу и работаю, не бешусь с жиру,
в пределах комнаты иду по миру
из угла в угол, латая дыры,
открываю книжки — кругозор шире.
Друзья сказали — мне мало злости:
иду в магазин, покупаю кости —
кину их псам. Еще куплю соли,
насыплю на рану — вытерплю боль ли?
Душа зияет дырою черной.
Это не космос, а жесткое порно.
Здесь не отличен лавр от терна,
все здесь идут дорогой торной.
Образа за базарным гомоном сникли.
Как ни вникали, все одно не вникли.
Но когда мы дойдем до края мира,
Господь одному скомандует: «вира!»
Другому Князь сладко прошепчет: «майна».
У каждого будет своя тайна.
Ну а я — буду молнией шаровою
метаться меж небом и землею,
извалявшись в миро, наглотавшись серы,
потому что неведом мне Символ Веры.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Пустельга гнездится в древоместье,
стелется по низу ветротравьем,
с тыльной стороны твоей долони
слизывает ангельскую кровь.
Это место вымазано тестом —
колобочьей кровью сверхдержавы.
Здесь не плачут старые иконы,
и не бел исснеженный покров.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

ДЕНЬ ВЕДРА

Тотализатор душ,
морализатор чисел
отламывает куш,
выискивая смысл
на ржавом дне ведра
вселенского хаоса
и прыгает с утра
собакой под колеса
усталых выходных
и судорожных будней.
В подъездах проходных
изрезанные студни
бездомного бичья.
В бездонные колодцы
спускается ничья
рука, чтоб напороться
на осклизь мокрых стен
немого покаянья.
Терцина и катрен –
скелеты воздаянья
молитвенных словес
всевышнему началу
на ржавом дне чудес
вселенского мочала.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

«Я люблю родину,
я очень люблю родину»
за то, что я не угоден ей,
что не вручила ордена.
Да, вроде, пока не за что
ко мне орденам вешаться,
пока я не стал беженцем.
Закаты еще брезжутся,
да раны еще брызжутся
на непорочную ижицу...

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Я бы придержал шаг,
чтобы не вступить в кал,
в клочья б разорвал стяг,
чтобы он вновь стал ал.
Магмою б застыл, стыл,
словно монолит плит,
города б к чертям спалил,
пока быдло в них спит.
Вырастил бы клонов сонм,
сорок лет учил бы, что чтить.
Слышишь ли небес звон?
Это нас зовут любить.
Слышишь ли небес стон?
Это просят нас простить.
Слышишь ли небес гром?
Нам придется кровь пролить.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

ВРЕМЯ И СТЕКЛО

Когда ударят в колокол стеклянный,
самоубийца взрежет вены в ванной,
когда рассвет зальется раной рваной,
тогда поймешь, что время истекло.

Наступит час, не поздний, и не ранний,
наступит миг, не более чем странный,
и Библия смешается с Кораном,
разрезав мир на время и стекло.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

* * *

Совок неистребим, и это знает каждый,
кто побывал внутри всеобщего станка,
и каждый мудрым был, и каждый был отважным,
когда он предавал от стука до звонка.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Превратиться в змею, обернуться вокруг батареи
хоть на час, чтоб согреть свое тело от холода стен.
Сраный соцреализм затянувшейся петлей на шее
превращает мой век в сумасшествие ровных полен,
когда топится жир шовинизма, нацизма, фашизма
в узких сплюснутых лбах недалеких убогих мещан.
Ну а мыслящий пласт пребывает в тоске по...изма.
Здесь шакал правит бал,
шкуру льва натянув на тамтам.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Я пишу при свече,
потому что живу я в совдепе,
потому что совдеп
изначально в лохмотьях и вшах.
Мы давно покорили
бескрайние дикие степи
и лучины зажгли
в черных хатах и светлых дворцах.
Я пишу при свече,
потому что живу я в бараке.
Пролетарий дрочит в переулках –
гы-гы-га-га-га.
Пролетарий рисует
скабрезные знаки на флаге
своей нежной страны,
пьяно корчащейся на рогах,
своей нежной страны,
изнасилованной в подворотне,
своей нежной страны,
не пускаемой в ночь на постой.
Я так буду сидеть
лет, пожалуй, как минимум сотню,
освещая чумные стихи
обгоревшей свечой.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

ЦЕЛИ ВОСПИТАНИЯ

Пляшите рок-н-ролл у Спока на могиле,
спляшите на моей могиле рок-н-ролл.
Давно не дразним мы невесту тили-тили,
садимся в тишине за поминальный стол.

Ушел ее жених, вернулся грузом-200.
Он на чужой войне на бойне был скотом.
Он в цинковом гробу привез дурные вести.
Палите в честь него салют. А что потом?

А для него «потом» не будет. Будет спячка.
Поблек его венец. Бежал из-под венца.
А матери его страна швырнет подачку:
Спасибо тебе, мать, за мясо молодца.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Время не сжимает пространство,
облака не выплюют небо.
Ненависть твоя к иностранцу
не сильней, чем к ближнему слева,
не страшней, чем к ближнему справа,
не мрачней, чем к антисемиту.
Время отдаляет от славы —
вперемешку правда и кривда.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Отсюда уехали или уедут.
Об этом месте никто не бредит.
Об этом крае никто не мечтает.
Жизнь ни хорошая здесь ни плохая,
жизнь здесь попросту никакая.
Все живое здесь вымирает
да родиться не успевает.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Я не стану ничьим поэтом,
я не буду твоим ответом,
я тебя никому не выдам,
но бессилен я перед быдлом.

Я не стану твоим рассветом
и закатом не быть при этом.
Я не клят и не мят, не пытан,
но бессилен я перед быдлом.

Я бессилен перед наветом,
никогда не стрелял дуплетом,
и, быть может, ва-банк мой сыгран,
и бессилен я перед быдлом.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Портфель в России больше чем портфель,
береза больше чем, к примеру, в Польше.
Отель в России больше чем отель,
да и поэт, он тоже, впрочем, больше.
Мужик в России больше чем мужик.
Шалава на Руси всегда шалава.
А музыка чуднее всех музык,
и слава наша более чем слава.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Ниоткуда с любовью...
И. Бродский

Из России с похмелья не помня какого дня
времени суток и времени года
я слоняюсь бесцельно копаясь в руинах дна
называемых жизнью не где-нибудь в Миннесоте
не в Европе иль Азии черт-те где
на краю земли как у края могилы
даже дальше чем в Воркуте-Ухте
там где смысла нет пересчитывать мили
где умолкшие сопки шерстисты как носорог
где пространство забыто об измерении километром
на открытой планете я срубил свой острог-чертог
и курю на ветру сигарету за сигаретой
только даже сюда проникает настырно тля
и при каждом выдохе части речи
человечества только Ж да М но все чаще БЛЯ
разрывают мозг обессмысливанья картечью.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Мы пережили царство хама,
безвременье и вырожденье,
но повторяемся упрямо
в своем слепом благоговенье
перед чинами, чинно, лестно,
и лебезя, и стан сгибая –
все это есть в толпе прелестной,
снующей в гвалте Первомая.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

В этом городе нету фонтанов,
летом здесь не бывает грозы.
В этом городе ватных туманов
права нет проронить и слезы.
В этом городе пьяных кошмаров
остыают сердца и дома.
Здесь безвременье валит с удара
наповал, низводя нас с ума.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Город, хмурый с похмелья
продирает глаза,
сидя в грязных постелях.
Не висят образа
в этих комнатах мрачных
в сером стухшем мирке,
здесь живут наудачу,
на авось, налегке,
обрастая делами
и тоской-маетой,
щи хлебая лаптями
с золотою каймой.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

По черным улицам
белые матери
Судорожно простерлись,
как по гробу глазет...
В. Маяковский

Убитый день крошил стекло,
стучал соседом.
Вил повитень, долбил дупло,
морочил бредом.
Вязал силки, чинил капкан,
дрочил подростком.
Сжимал тиски, плясал канкан.
На перекрестках
сбивал людей, взрывал дома,
включал прослушку.
Снимал блядей, читал тома,
взбивал подушки.
И пил, и ел, и жрал, и срал,
блевал и бредил
об уйме дел, и рвал, и мял,
кричал: «Мы едем!»
Убитый день, убитый век,
убитый вечер.
Убиты тени всех нас – тех,
кто недалече,
кого уж нет, кто есть не здесь,
кто не в печали.
Иже еси не даст нам днесь,
как ни кричали б,
как ни молили бы его
о благодати,
у нас не будет ничего,
сидим в засаде.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Чинил гитару – порвал струну.
Хотел напиться – разбил коньяк.
Я ненавижу свою страну.
Любить такую нельзя никак.

Лечил подагру и ждал весну.
Без лета осень сама пришла.
Ну разве можно любить страну,
где три сезона, все без тепла.

А обернешься – итогов нет –
пахал полжизни, а все босяк.
Любить нет силы в такой стране,
а не любить ведь нельзя никак.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Помните раньше
дела провинции...
В. Маяковский

3 тысячи и три сестры
поэта, неистового и сурового,
мчатся в столичные шатры
отдаваться за полцелкового.

Москва, опостылевшая снобизмом,
Москва, набившая оскомину,
продажная, шкурная до атавизма,
до старческих трупов за спальню комнату.

Москве взбледнулось.
Старушка с пяльцами
смотрит и радуется, проституируя.
Вылупляются во все свои бараньи яйца
вырожденцы столицы.

Москва белоглазой чудью пялится,
на всю страну похотливо облизываясь.
А провинция...
провинция все так же вешается и валится
в запой, в беспамятство, себя нанизывая
на иглу нищеты, впадая в тоску.
И теперь даже некому ехать в Москву.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Мать по утрам разносит почту,
а по ночам моет чай-то офис.
Некогда ей квохтать квочкой
над тобой, бритый оболтус.

Шибаешься по подвалам пьяным,
приходишь домой утром рваным.
Мать снова упала в запой с дивана.
Отца ты не помнишь — ушел он рано.

Ты — арий, ты — рэпер, ты — пролетарий,
но нет для таких, как ты, лепрозориев.
Ползет по дороге старик — ударь его.
Летит семиклассница. Что ж? Ты — горе ее.

Китаец один не ходит по городу.
Навстречу ему — орава с битами.
Лишь он виноват, что ты пухнешь с голоду.

Россия для русских! Россия бритая.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Мы не принимали участия
в столпа с сотворении.
Мы не видели счастья
с момента рождения.
Мы не корчили рожи
глухонемому калеке,
не потому ли, что тоже
глухонемые навеки.
Мы не говорим на языке Эзопа, —
у нас свобода, гласность, демократия.
И мы в форточку можем высунуть жопу
в знак протеста, ну, например, бюрократии.
Мы можем наблюдать посреди улицы,
и нас не заберут в вытрезвитель,
и пусть теперь дети любуются
на пьяную мерзость — юдоль, пастораль и обитель.
Ты знаешь, что такое «победитель»?
Когда-то наш народ гордо носил это звание.
Но кто теперь об этом помнит!
Разве какой-нибудь житель
окраин, вывешивающий по праздникам
красное знамя, —
прежних времен одинокий паломник.

Ломка стиха — первый признак деградации.
Это не легче чем ломка наркоши.
А изменение сознания нации
хуже всего, — это исчезновение нации
и нас с тобой тоже.
Человек — существо загадочное,
а чаще всего — подлое и мерзкое, —
внешне чист, а копнешь — грязь под кожей, —
так рассуждали герои Достоевского
и мы с тобой тоже.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

А мы с тобой — их жалкая пародия
мы тоже можем посягнуть на Бога.
Мы тоже можем назвать родину уродиной,
но не дай Бог кому-то сказать об этом сбоку.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

XENOS *

Окуджава не пройдет по Арбату,
так как вид имеет он виноватый...

Оксане с Ксенией
сделали кесарево сечение...
...еще в утробе
растили они (нет, не гениев –
растили они) ксенофобов...
...теперь за гробом
своих народов
идут:
Осип Эмильевич,
Булат Шалвович
и даже Иван Сергеевич,
потому как все равно татарин,
потому как решает гегемон-пролетарий –
быть тебе иль не быть,
быть тебя иль не быть.
И первый объект –
Ходжа Насреддин –
рылом не вышел, не угодил,
а с ним еще 200 народов –
не арийцев, а значит уродов,
имевших счастье
родиться в России
в годы ненастья,
обессиленной
и изнасилованной
патриотами-обормотами.

Эй, арий-хуярий, спроси у отца
не ара ли дед, вкусна ли маца.

* Xenos – (греч.) чужой

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Бог не Тимошка –
видит немножко.

Дрыхнут попы в Синоде.
Геи галдят на Сенатской.
Декабристы не в моде –
в моде бабки да цацки.

Нувориши в почете
продают храм Господен –
рвут последние крошки
у блажного Тимошки.

Спит Аввакума око.
Око Христа не яро.
Гадим в свои истоки –
и молодой, и старый.

Омороочные ночи
с диким шалавым визгом.
Хочется – нету мочи –
стать ненадолго фашистом.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Власть заключается в том,
чтобы, расколов на куски разум человека,
собрать его снова,
но придав ту форму, какая нужна тебе.

Д. Оруэлл. 1984

На любую революцию
всегда найдутся
автомат и резиновые пули,
брэндспойт и саперные лопатки,
наручники и дубинки —
башка — на две половинки.

В любой революции
всегда найдутся
следователи-прокуроры-допросчики,
анонимы-сексоты-доносчики,
мародеры-насильники-воры.
В семье — кто за белых, кто — за красно-черных.
И семьи — на половинки.

В любой постреволюции
всегда найдутся
иносказатели — перестройщики смысла,
враги, и предатели, и друзья — борцы всякого ...изма,
сказочники истории — перекройщики истории,
и чем дальше от той самой истории, —
предатель становится памятником,
герой становится белым пятном,
на фотографии в школьном учебнике —
«Океания всегда воевала с Евразией».
Башка — на две половинки:

энике, бенике,
ели вареники...

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Глас демократии тихо тухнет.
Строй политический сам не рухнет.
Мы разбрелись по чадящим кухням.
Собираться нет смысла даже.
У каждого свой сомнительный бизнес,
где самый дешевый товар – отчизна.
Забыли по ней в спешке справить тризну.
Оборотни на страже.

Клапаны, выходы перекрыты.
Интеллигент устает от быта.
Он уже не отличим от быдла,
в пьянке хватая ножик.
Эй, что еще здесь не перепродали?
Время сужается по спирали.
Хаос раскручивает педали.
Никто никому не должен.

Время подумать нам всем о вечном.
Дважды не впрыгнешь в стремнину речки.
Сколько же можно плясать от печки.
Нишкните, Христа ради!
Конь Вороной давно не стреножен,
да и Конь Блед разыгрался тоже.
Спас ярым оком взирает строже.
Время ломать печати.

2015

Небо ноября

2014

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Он бесшумно ходил по дому,
безнадежно лечил саркому,
он выращивал глаукому
и мечтал впасть скорее в кому.
Нет! Мечтал умереть мгновенно,
притом выглядел как полено,
чхал на лавры Ламы Нетленного,
бредил берегом Рейна иль Сены.
Прожил жизнь он как раб на галерах,
все метался меж бесом и верой,
источал он то ладан, то серу,
предавался каким-то химерам...
Возмущаясь еженедельником,
спохмела вставал в понедельники,
не играл с детьми в еники-беники
и с женой не лепил вареники.
Он бездвижно ходил по миру,
даже если сидел в сортире,
даже если во всей квартире
стены были планеты шире.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

На моих похоронах
будет много ебанах...
М. Гендельев

Дождь. Кошки сонные.
На улицах толпы неопределившихся мигрантов.
Читаю авторов многотомных,
сам не зная зачем,
по вечерам ощущаю себя атлантом,
у которого нет больше неба,
которому ничего не осталось, кроме стеба.
И никем в этой жизни я, в общем-то, не был.
Осталось заколотить лишь гвоздь
в крышку собственного гроба.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

МОГИЛА

Ты здесь скрыт от всех посторонних глаз,
ты при этом нигде – ни здесь, ни сейчас.
Ты надежно спрятан, почище клада,
но тебя доставать никому не надо.
Крестик, холмик, оградка да многоцветы.

Слава Тебе Господи многая лета...

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Ты не хочешь меня хоронить,
только мне похорон не надо,
я и сам разложу костер,
лишь бы к сроку поспеть в Вальгаллу.
И пусть вместо меча лежат
мои ржаво-тупые кинжалы,
но не надо меня хоронить!
Просто выпотрошите урну
вы с какой-нибудь высшей точки –
да хоть с Каменного Венца.
Пусть мой прах разнесет хуйтун,
и я буду как Бог всесущен,
но не надо меня хоронить...

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Кто-то должен зарабатывать какие-то деньги,
а кто-то догадался помереть вдруг намедни.
Кому-то придется оплачивать похороны,
а кто-то посмотрит на это все со стороны.
Говорят, покойник не любил отпевания
и даже предупреждал об этом заранее.
Говорят, он терпеть не мог погребения,
говорят, просил об обряде сожжения.
Но его не послушали ни родные, ни близкие,
заковали в ограду, придавили обелиском...

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Мы, словно меганасекомые,
идем не по путям искомым,
но постигаем вечный сон,
находим в чем-то вдохновение,
в цветеныи – кто, а кто – в гниении,
могильщик-жук иль махаон.
И типажи – такие разные,
прекрасные и безобразные,
есть и святые говнюки.
Меня, как моль, прихлопнет Боженька,
укажет статус мой ничтожненький,
и потеку я вдоль реки.
Как с Господом не пререкаться, а?
Твоя телесная субстанция –
бетон унылых серых стен.
Коан. Сабай. Реинкарнация...
Не перестану улыбаться я,
как тот уродец-гуниплен.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Как в осень золотую
неволя бьет охоту.
Нутром всем протестуя,
плетешься на работу.
Кета отнерестилась
и утки пролетели,
вода ледком покрылась.
Да что ты, в самом деле!
Хронически усталый,
больной и с неохотой,
как папа, чертов, Карло,
плетешься на работу.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Когда ты бредешь, продираясь в тумане
по сонному городу, спящему миру,
и знаешь, что если живешь в Магадане,
уже не вступить на вершину Памира,
и даже приехав к стареющей маме,
слезами умытой от долгой разлуки,
ты знаешь – тебе не свалить с души камень
и знаешь – тебе не минуту подлой скуки.
Дряхлея, спиваясь, не видя просвета,
стремительно топаем к жизни закату.
Все книги прочитаны, песенки спеты,
подсчитаны траты, изржавлены латы.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Выходные –
сплошь проливные.
А рабочие –
неохочие.
Коли праздники –
так безобразники.
А дни святые – как понятые,
висят, глазеют,
ротозеи.
Соседи – тенью,
прохожий – обухом.
Я через тернии
чертополохом.
Нет денег. Денег
нет срезать опухоль.
Мы жжем каверны
напалмом, сполохом.
В моем кармане
шприц тяжкой ношею,
в моей нирване
засел наркоша.
Я на диване
метаморфозою.
В моем стакане
протуберозы.
В моем сознанье
протуберанцы.
В давнишней ране
осколок сланца.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Где смысл бытия стерт,
где воздух давно сперт,
откроешь окно – смог,
в подъезде – и там кто-то сдох,
в саду дворник жег пал,
встал рано – Бог дал – он же взял,
где помыслы съел быт,
в деревья вселились столбы,
где смысл бытия скис,
нет смысла искать смысл.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

НЕТ СКВЕРНОПАХНУЩИХ ПРОФЕССИЙ

I

Пришел золотарь с работы домой,
обнял жену, приголубил детей.

– Сегодня ты пахнешь фиалками, –
сказала ему любимая.

– Я был у господ,
там в водостоках
цветы распускаются
по ночам...

II

Цементные сопли каменотеса,
рубахи механикам шьют из мазута.
Хочу я работать безмолвным утесом,
хотел бы я быть пятым временем суток.

Целует жена ассенизатора,
целует жену после смены прозектор.
А я быть хочу звезды новой атомом,
я мог бы стать богом какой-нибудь секты.

(Профессии все испытал понемногу
и бочки таскал с дерьям и помоями.
Я рыбе рубил плавники – чем не ноги?
Но ведь не для этого рос я, по-моему.)

Почти каждый день мы чего-нибудь празднуем,
но нет, ну вот нет Дня уборщицы-дворника,
и грустно, поди, преть над кала анализом.
Профессия есть – быть приличным покойником.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Поры пропитаны никотином.
Вместо бульона – болота тина.
Вместо воды – паленая водка.
В кармане не тыща – всего лишь сотка.
Годы отсчитывает счетчик
не днями – неделями, месяцами.
Ты отвернулся от нас, Наш Отче:
Как-нибудь разбирайтесь сами.
Ясное дело, сами с усами.
Кровь – не водица, вода – не камень.
Течет наша жизнь по камням столетий.
Потомки за предков всегда в ответе –
сын за отца, отец за сына.
Поры пропитаны никотином.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Так и бредем по одному пути.
Друзей ошибки нас не учат школе
невыживанья, Господи прости,
растерзанных кошмаром алкоголя.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Пил три дня –
завыла родня.
Пил пять дней –
горе родне.
Неделю бухал –
пятый угол искал,
а родня все причитала да причитывала:
вот же ж вот
подлец-соловец,
как начнет потреблять –
дна ему не видать,
дом ходуном,
по двору с топором,
под забором спал,
да штаны зассал,
и в семье разлад да разорение,
а соседям смешно да радостно.

Не пил три дня –
рада родня.
Не пил пять дней –
родня все милей.
Неделю не пил –
павлином ходил,
а родня все говорила-приговаривала:
вот он наш
удалец-молодец,
сам себе кузнец,
и жнец, и дудец,

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

все в дом,
все при нем,
и рубаха на ем,
крышу починил,
хату побелил,
и в семье все чинно да ладно.
а соседям – злобство да завиство.

Но снова вожжа под хвост,
а ближний штоф за семь верст.
Но этой собаке не крюк,
каюк.

БОМБАРДИРОВЩИК

– До вечера, – ты мне сказала,
я ждал весь вечер до утра,
и моль по комнате летала,
и сохла на столе икра,
не красная, а так... бич-паста,
и сох иссущенный сухарь.
Я выпускал в окно «Ланкастер»
в орущий сброд пьянящих харь,
стрелял по окнам из мелкашки,
бросал гранату наугад,
настаивал в бидоне бражку,
встречал рассвет и не был рад.
Я позвонил тебе к обеду,
и постороннее лицо
сказало, что тебя здесь нету.
Я ненавижу всех лжецов.
Потом пошел тосклиwyй ливень,
а вечером ты, позвонив,
сказала мне, что я наивен.
Такой вот, блин, императив.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

СТАРЫЙ НОВЫЙ 2014

Водка лежит в морозилке.
Тело лежит как положено.
Где у Страшилы опилки,
там у других отмороженность.
Сердцу не внять Дровосека,
может, влюбился бы в Элли...
Дважды входил я в ту реку
и натыкался на мели.
Водка гудит в морозилке.
Кальций в скелете трезвеет.
Пьяный мужик ночью в килте.
Виснут пираты на реях.

Мозг – решето, сито, в стоге иголка,
опустошенность и крошево.
Мы до сих пор не убрали елку –
ночью в полпятого мысль огорощила...

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

В храме горланим
кабацкие песни,
в рюмочной молимся, но увы!
Мы – народ, раненный
кистенем времени
в самое темя судьбы.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Точки лис Маяковского,
трава августа Быкова.
Восприятие – плоское,
отражение – зыбкое.
В сочинении школьника
президентом быть Ленину, –
в его тетраугольнике
молодо, да не зелено.
Небо серое, хмарое,
проводами измотано.
Руки – Виктором Хара,
череп – свалкой Пол Пота.
Мне звонки телефонные –
поперек поздним вечером.
Авторы – многотомные.
Боги – недолговечные.
Счет-фактурой жизнь скомкалась.
Нож на кухне не точится.
Рифма глупая, робкая,
все концовки – отточием...

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Наложено вето
на право ответа.
На всяком допросе
абсурдны вопросы.
Со скоростью света
сгорает планета.
Окончено лето
дырою клозета.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Любая выставка – скандал.
Любая выходка – перформанс.
Где чемодан – всегда вокзал.
Встречаемся, да не знакомясь.
Проводим псевдовечера
нелепых псевдоюбилеев,
и думаешь еще вчера
чтоб завтра кончилось скорее.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

РЕЗИСТЕНЦИЯ ДИССИДЕНЦИИ

Мой протест несогласия
заключается в том,
что момент безобразия
я не помню потом.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Чем дышали, чем жили,
что читали – тем были.
Поросли былью, пылью,
ветром прах разнесло.
Перемешаны в селях,
смазаны в акварелях
иль застыли в постелях
житиям всем назло...

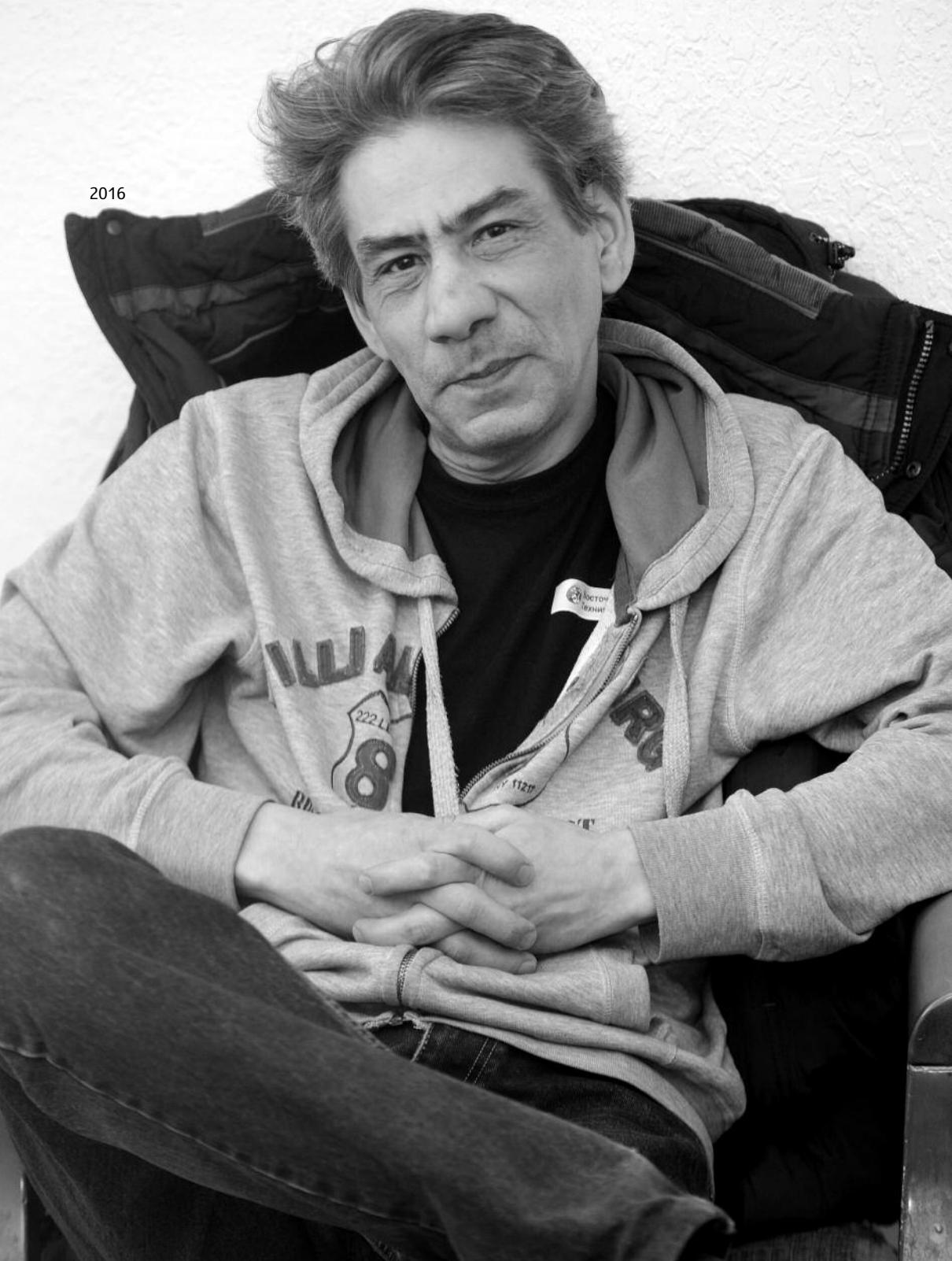
АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Из хлеба будем делать сухари,
а изо льда – очищенную воду
и извлекать из сумрачной зари
бессонной ночи смурью природу
пустых вещей, бессмысленную речь,
и смысл без слов, и тело без скелета,
гештальт без контура –
предостеречь, отвлечь
себя от всех вопросов на ответы.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Ты вышла на простор остекленелый,
а я читал молитвы на бобах.
Вещали оголтелые вороны
о том, что скоро ляжет черный снег
единожды на скованную землю.
А я читал скабрезные стихи.
Ты вновь вернулась пряная и злая,
звенели стекла, падали листки
моих стихов и рассыпались пеплом,
а я читал молитвы и стихи:
Иже не сущий не на небеси,
да не святится и да не пребудет...
Вокруг блуждают сумрачные люди...
И да не сохрани и не спаси...

2016

Я ушёл

2016

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Есенин – баба красная,
Маяковский – елда.
Россия распрекрасною
Не будет никогда.
Хрущев и Вера Мухина –
дизайнерам респект.
Мы на советской рухляди
Въезжаем в новый век.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Хочется, понимаешь ли, помереть не дома,
а где-нибудь по пути – от работы к подъезду,
иначе диван, который сковал тебя комой,
придется выкинуть. А грузчик будет, конечно, нетрезвый.
И вообще вся эта похоронная лабудень:
мишура, суета, суесловие, скорбные, сука, речи...
Вместо тебя не вырастет даже пень,
потому что рубить будет нечего...

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Во вторник выдалась среда,
а в среду вторник.
Я не залезу никогда
на подоконник.
И у меня не отрастут,
по счастью, крылья,
а может быть, к несчастью. Тут,
увы, бессилен
ваш мнимый эфемерный бог,
а может, идол?
Меня он не предостерег,
но даже выдал
на растерзанье бесовству,
где шепчет нежить,
где на рассвете сны цветут
все реже, реже,
где ты стремился жизнь познать
в великой цели,
а слышал лишь: ерш вашу мать.
Все в колыбели,
одной баюканы рукой –
рукой Вселенной.
И ты здесь – не один такой-
сякой блаженный.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Ницше грезил сном чудовищ,
Перих брел в свой индуизм.
Кафка, на шкафу пристроясь,
превращался в афоризм.
Там Виан стоял на мине,
Сартр выкалывал глаза,
Маркес брел по серпантину,
Бах вздымался в небеса.
Буревестника и Фрунзе
перерезали жиды.
Никому не увернуться.
Ну-ка, ты! Поди сюды!

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

В начале мая снег, а в январе капель,
И никому ни холодно ни жарко.
И ничего с того, что труп Земли сопрел,
А мы в ней копошимся, как огарки...

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Каждая ночь – бессонницей.
Каждый рассвет – бессмыслицей.
Солнце – кровавая конница.
Небо – железная виселица.
И в бесконечности сумерек
бродит умертвий выморок.
Те, кто еще не умерли,
глушат неправды сыворотку.
Так и вся жизнь – палицей.
Лущит людей как семечки
смерть, каждый день пялится.
Вон она, там, на скамеечке.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Бредово-бордовые
стихи из стихии.
Все мысли – кондовые
и все – о мессии.
Живем чьей-то милостью,
не сбросить те гири.
Прицелишься в шилохвость –
подстрелишь ведь Сирин...

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Всю ночь кошмары снились:
погром, пожар, исход...
Затраченных усилий
не хватит на восход.
В колючке сегрегаций –
всех ужасов сполна.
Промеж других акаций
сгорает купина.
Но встали и пошли мы,
блуждая 40 лет,
мимо Ершалаима
нас вел сквозь тыщи бед.
С хлебами мы носились,
где бы ни были потом,
но бесконечно снились
исход, пожар, погром...

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Беззвездны весны,
бездонны дни.
Сознанье косно.
В мозгах саднит.
Чему саднить-то?
Один кисель.
Все прахом в сито
трухой гостей.
Всех ожиданий
надежд и мечт
в сто лет страданий
где крест, там меч.
Беззубы десны
вчерашних дней.
Поститься поздно,
молиться поздно,
и небо – грозно.
Усни скорей.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

ЦЕЛЛОФАНОВЫЙ ЦЕФАЛ

Наслушаешься бредней партократии,
тебя настигнет энцефалопатия.
Посмотришь сериал про домик с лилиями,
и разовьется микроцефалия.
Рекламная байда про силу газа...
Смеешься над пелевинским курьезом.
Но если мир не выключить весь сразу,
то превратишься в сгусток целлюлозы.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Могендовид на плече,
на шее крестик.
Гитлер встанет, воспрянет Че,
Навуходоносор воскреснет.
Явятся Каин и Иискариот,
да улетит Будда.
Наверное, я идиот.
Но жизнь по-прежнему – чудо.

НАПРАСНОСТЬ

Зима – поземкой,
метель в апреле.
Жизнь – тонко-тонко,
жизнь – еле-еле.
Достала ломка,
нет духа в теле.
Смерть – ломко-ломко...
Да в самом деле!
Душа – потемки,
сердец свирели.
Жизнь-смерть – в потомках.
Быть нам вотще ли?

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

ОТГЛАГОЛЬНОЕ

Сирены выли диким визгом,
и, потихоньку растворяясь,
мы превращались в обелиски,
в тенях полуночных качаясь,
ломали ноги толстым куклам,
наутро сопереживая.
Пытались плыть, но плот был утлы姆.
Мы умерли, не просыпаясь.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Это подлость, это ложь,
это – хер чего поймешь.
Это Цезарь, это Брут.
Это мозг, его ебут.
Ну а что такое Бог?
(Здесь все мысли наутек.)
Бога всуе поминать –
это грех, ебена мать.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Широка ты, Русь,
да деваться некуда,
пряная на вкус,
со смертельный млечом,
гладкая внахлест,
хлесткая наотмашь.
Тот, кто здесь взрос,
не ворвется в космос.

Высока ты, Русь,
да горька, как пижма.
На закат молюсь,
чтоб чего не вышло.
Мы сколотим ставр,
мы распнем пророка,
вырастим державу
в ало-белом коконе.

Глубока ты, Русь,
да подола тяжче.
Я – болид-тунгус,
разорву на части
сумасшедший мир,
этот весь геоид...

(Через миллионы лет
сигнал бедствия поймает эфир
одной из соседних галактик.
Его зафиксирует дотошный гуманоид.)

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Когда перевалим полдень,
как тот скалистый хребет,
тогда мы о падших вспомним,
наткнувшись на прелый скелет,

и ежль, со скалы возвысясь,
стоишь ты, не клят и не мят,
то смело прыгаешь вниз, и
летишь ты, крестом распят.

Когда над сопками вровень
паришь ты глухой совой, –
конец твоей славной роли,
в наушниках – Виктор Цой.

Нет дела норвежским троллям
до дел твоих – кто ты такой?
Пари себе на здоровье
над всей застывшей страной.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Ах, держава мохнорылая,
как оскал мне твой знаком.
Подняла на вилы, милая,
стерла в прах родимый дом,
сладострастно растоптала
в сердце, в пах, в колено, в мозг.
Я весенним покрывалом
прорастаю средь берез.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Кругом такая кафка,
что даже не смешно.
Коль на небе удавка,
окно – как полотно,
без грунта, без рисунка,
унылый серый холст.
Не верю nibелунгам,
лубочен алконост.
Я брошенной игрункой
забрел аж на погост.
Здесь страшно, жутко, смуглого,
не выплакать мне слез...

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

MAYDAY*

I

Тык-мык – недотыкомкой,
трень-брень – перезвоном,
фатальной ошибкой,
Плутоном с Хароном.
– Mayday – SOS – невыверенно
ползу я вокруг Солнца.
В чем смысл недовыковырянныЙ?
Никто не вернется.

II

Я вышел на орбиту.
Все гладко – шито-крыто.
И я внутри корыта,
в котором всем тепло.
Земля – ячейка видов.
Здесь люди – инвалиды.
Я в космосе! Я выдра.
Плыту смертям назло.

III

Никто не вернется,
ползи хоть вокруг Солнца,
копыто собьется,
и имя сотрется.
Никто не вернется...

*Международный сигнал бедствия

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Небо свинцовым кастетом
бьет тебя с правой в висок.
Сложены приоритеты
в стопочку в уголок.
Нет там ни Вишну, ни Кришны,
там даже Библии нет.
Лишь осознание лишности
в пересеченья комет,
в неисчерпаемой плоскости
косности бытия.
Строим из кучи навозной
видимость корабля,
что отвезет в ту часть света,
Где нет законов землян.

Небо свинцовым рассветом
взяло тебя на таран.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Привычка сбиваться в стадо.
Мне это нахер не надо.
Пусть лучше буду я кочкой
в этом болоте. Точка.
Пусть лучше буду я древом
в тундре заплесневелой,
карликовой березой,
скорченным, нетверезым,
только бы быть собою,
старой глухой совою,
только б не раствориться
в этих угрюмых лицах...

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Мандала без Шамбалы,
Плутон без Харона,
глагол без ожога,
без воя, без стона.
Плетемся убого,
воловча кандалы.
Не видели бога
из этой мглы.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

СЛЕПОТА

Я андалузский пес,
ты – моя твердь.
Я медный купорос,
ты – моя медь.
В газетных строчках рвы,
я вижу смерть.
Не избежать молвы,
не сметь смотреть.
Ты полуостров Крым,
я – остров Крым.
Ты – пастве херувим,
я нелюдим.
Все выборы – лишь мреть,
гуляй, шалман.
Я вижу только треть –
и сплошь туман.
В моих пустых глазах
стекло и хрень.
Так дайте ж в образах
Софии Лорен.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

В ртутном воздухе цинковый ветер.
Биохимия на рассвете.
Дышим тем, что нас не убивает,
воду пьем, говорим, что живая.
Я под куполом неба сгораю
и катаю вселенский свой куб скарабеем.
Каждой ночью я вновь умираю,
каждым утром я фениксом тлею.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Бился о небо, словно о купол,
но небеса не пробить.
До края Вселенной добрался, но в ступор
вводит звездная сыпь.
В небе летя, высек искру, когда-то
в сердце усталом вынашиваемую.
Икс множим на игрек, в искомую дату
заглядывать даже страшно.
Падши, поднялся. Взлетев, тут же канул
в небытия крошево.
Не замарался. Огненной раной
выпал из неба непрошено.

ВОВНЕ

В вызверенном урбанистическом пространстве
ополоумевшего четвероугольника окна
стынет зима в осатанелом своем убранстве:
помойки – собаки – машины – бичи – и доброе утро, страна!
Все мы давно живем в постапокалипсисе,
но знают об этом только железобетон
и чиновничья рать – железобетонные товарищи, –
всю нашу жизнь превращая в пространственный сон.
И ты смотришь в окно, не пытаясь в себе разобраться,
когда выжжено все – чувства, мысли, желанья.

Ты – зомби, ты – труп.

Если б был ты геологом, то б нашел останцы,
уцелевшие от денудации,
если б был ты географом, отыскал бы второй Итуруп,
Кунашир, Шикотан... Да мало ли оборванцев
на планете Земля. Ты лишь пепел в нейтронном окне.
В этом постапокалиптическом пространстве
не останется места ни тебе, ни мне...

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Я ушел. В параллельной реальности
нет ракет неебической дальности.
Нет там танков и автоматов,
нет там даже рекламы «Арматы».
Я смотрю только то, что мне хочется.
Ведь не ждать, что весь мир обесточится?
Захочу – так включу Тома Уэйтса,
лишь не слышать бы «взвейся-развейся».

Я живу в параллельной реальности
вне страны, доведенной до крайности,
я давным-бля-давно в дауншифтинге.
Словно в космосе, летим в лифте мы.
Я во внутренней эмиграции.
Вскрыть моллюск – надо бы постараться.
Мой таежный тупик – в дне бездонном.
Я давно уже в потустороннем.

ИНОПЛАНЕТЯНКА

Она видит 40 оттенков серого.
А куда ей деваться, когда кругом крысы?
Я ж не вижу ничего, кроме диска Луны замшелого,
а все звезды расплываются в подслеповатой выси.

Она чувствует, где друг, где враг – интуитивно.
Я же – дурачок местный.
Она знает, что человек – существо подло-дивное.
Она знает больше моего, если честно.

Она кидается под ноги, как к последнему спасению,
кому-то иногда бывая причиной смерти.
Пока я пишу эти строки, она прыгает ко мне на колени
(я б промолчал, но в нынешнем обществе тяжело соблюдать омерту).

Она позволяет иногда бывать с нею рядом,
и сколько б я с ней ни носился по ветеринаркам,
она выстраивает планеты в парады
и ловит сигналы космических спарков.

Она – инопланетное создание...
Когда холодно, – прячется под одеяло,
но при этом всегда предчувствует заранее,
если кому-то внезапно, ну, может быть, завтра, вдруг жизнь оборвало...

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Я слепой старый пес,
по отливу искал я хозяина.
Он вонял купоросом
и медною гарью татарина.
Если б знал я, что умер
вчера он, беспечно забывшись,
я б не рвался сквозь сумерки
из полутьмы в сон оплывший.
А поскольку он умер,
и я тут лежу близ скамеек,
а в безжалостной сумме
я так же умру. Плачьте, девочки...

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

№ 134340

В окне луна полнолунием,
часы на кухне не выверены.
Во мне душа обессструнена,
а звезды обесполынены.
Ну и на кой нам все маски, мля,
и истуканы невыменянные?
Я над Плутоном, скафандр скобля,
лечу планетой без имени.

A black and white studio portrait of a middle-aged man with dark hair and sideburns. He is wearing a dark pinstripe suit jacket over a light-colored button-down shirt and a dark, diagonally striped tie. The background features a large, thin-lined circle centered behind his head.

2018

Hoboe
2017-2020

ВЕРХНИЕ ЛЮДИ

I

Пора уходить к Верхним Людям,
настала пора.
Никто больше здесь неподсуден,
ни здесь, ни вчера.
Пора закопаться в сугробе
и выдохнуть свет.
И это – не самоубийство,
а сон, в предрассвет-
ную зорю вхожденье
щебенкой-тропой.
А вдруг это перерожденье?
По звездам, по кочкам, песочком, снежочком,
по строчкам, по точкам...
Не ухай совой.
Ты завтра увидишь рассвет сотворенья,
восход голубой...

II

Я оставлю записку,
что ушел к Верхним Людям,
и играть будут диски
с Томом Уэйтсом и Диланом.
И никто не поймет ведь,
дай бог что не осудят.
Я уйду снегоступами
насовсем к Верхним Людям.
Выйду в рань на рассвете.
Фотография скupo
зафиксирует йети,
и весь мир войдет в ступор.
Я поставлю палатку
с самоваром и супом.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Я ушел к Верхним Людям,
по весне найдут труп там...

Я ушел к Верхним Людям...

III

Ушел к Верхним Людям.
Снежок заметет
следы. Съеден студень,
привет, апперкот.
Ушел к Верхним Людям –
ни снов, ни крестов.
Пали из орудий,
читай Часослов.
Ушел к Верхним Людям –
мороз – сладкий сон.
Небесные судьи.
Я – ком, снежный ком.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

...и когда оймяконский циклон уйдет,
наступить такая теплынь...
Выйду на улицу, расстегну куртку, выкрикну «!..»
И где-то в Донецке вырастет полынь.
А мы, изможденные вечной мерзлотой,
ходим в обнимку с мамонтенком Димой.
Вы как хотите, а я ухожу на покой,
будучи, в общем-то, нелюдимым.
А когда на тропинке прорастет одуванчик
и рядом с ним – лопух подорожника,
придет и нассыт недоразвитый мальчик
на все, что чисто положено.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

От холода стынут мысли,
от ужаса стынет сумрак.
Звезды встают коромыслом,
когда измажутся умбрай.
Мы свечи зажжем по периметру
и будем чадить бесконечно,
пока человечество сыворотку
не выдумает человечную,
чтоб больше без войн, без пакостей,
без головорезания.
Настанет ли эра инакости?
Эра отрезвления?

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Ты сидишь на склоне сопки,
на другом краю Плутона.
Предпочтенья твои робки,
спутники – за звездосклоном.
Ты летишь гипербореем.
На бровях-ресницах иней.
Если звезды станут злее,
ты не вспыхнешь ведь полынью.
На доске чертежной грубо
время расщепляет атом.
Во Вселенной совокупно
растворяешься на страты.

Ты взрываешься суккубом
и приходишь к детям в полночь.
Но бояться тебя глупо,
потому что нет тебя.
Ты придешь во время оно,
станет страшно, тьма бездонная
поглотит всех скучно, грубо,
загребет во мглу, скребя.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

В бесконечности
смурой вечностью
прем предтечами
изувеченно.
Блестки в сумерках.
Мы не умерли.
И парад планет –
один в тыщу лет.
На стол – кнедлики,
свечкой – тортики.
В ночи – ведьмы лик,
в доме чертики.
Следы – вензелем,
фас бьет профилем.
Доктор Менгеле –
Мефистофелем.
Потаенный спуд
не отыщет люд,
там рога скребут
и копыта бьют.
Но не раздробят
этот вещий ад.
Выгляни в окно,
за окном – оно...

Сколь в окно ли в дверь
ни выглядывай,
сугуба, чай, теперь
не на параде...

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Пора перечитывать Савинкова.
Конь Вороной и Конь Блед
маячат над горизонтом планеты изржавленно-старенькой.
И мне неприятен гарцующий их кордебалет.
Пора снаряжать пароход философский,
да жаль – не осталось философов.
Когда мир становится оскорбительно плоским,
в него остается швырять россыпями
«во дни сомнений, во дни тягостных раздумий
о судьбах (едрен батон) моей родины» –
великим и могучим языком – таким, чтобы сразу все умерли
враги вокруг – сочным, ядренным, железобетонным.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Мегастих магаданства
в петле Мебиуса.
Иссякает пространство
на истлевших устах.
Мы в пыли Вифлеема
перекатная голь.
Тыщи лет в теоремах,
доказательства – ноль.
От Талмуда к Корану
непроторенный путь.
Мы встаем спозаранок,
чтобы тут же уснуть.
Бодхисатва светлеет,
Рерих в Шамбале спит.
Я усталый индеец,
кондор мой не взлетит.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Во внешней политике
мы все паралитики,
во внутреннем мире
мы – акупунктиры.
Не суйся наружу –
уже обнаружен.
Открыл настежь двери –
хана изуверам.
И я – аутист. Вам вверх?
А мне – вниз.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Уйти, что ль, в Харе Кришну,
в неведомый маяк,
в пространство обезличенное,
в незыблемый бардак,
где хаос – это вечность,
и столп, и огнь, и твердь.
Уйти, что ль, в бесконечность,
чтоб здесь не захиреть...

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Утро перламутровое,
вечер недалече.
До прилива мудро
выйти ввысь предтечей,
чтоб потом по морю
гладко, без кореньев
выпрыгнуть, ускорясь
для стихотворенья,
по волнам плыть вечно,
волнами бить в космос
мордой изувеченной
вброд чертополосно.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Я должен исчерпать звезду
Хотя бы из воспоминаний,
чтобы потомки утром ранним
брзгливо скрепу отряхнули
с осенней грязью, бля, в июле
и дальше бы себе пошли,
не зная пошлости, нашли б
себе в пути ориентиры,
не слыша воплей: майна-вира,
я должен вычерпнуть звезду
из млеча черного созвездий.
Я – в бестиарии, мы вместе
и вместе близимся к костру.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Шизокрылые ангелы в небе стенают,
покрывая стекла изморосью.
Страна моя – бабка, вроде родная,
пугала волками, ведьмами, колдунами,
забила все окрестности известью
негашеной, вытравливая
незнамо весть кого.
Я пускаю по ручью свой бумажный кораблик,
может, он переплынет все надолбы
истории вековой?

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Эйфория – сон – депрессия.
Каждый год и год от года.
Сонм чертей во мне все бесится.
Только все не перевешаются
от унынья непогоды.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Я продолжаю жить
зачем-то грибом-суккулентом.
Поиска порвана нить.
Я упражняюсь абсентом.
В выверенности – ничто.
Я выхожу из скафандра.
Инопланетянин мне скажет: «Постой!»
Я проплываю в космосе ихтиандром.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Пиши по буху
да правь по-трезвому, –
дурного Хэм не посоветует.
Смотри в горизонт.
Кесарю – кесарево.
Спроси – как умирать –
у ветки.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Покажите мне воочию ваши чистые руки, суки.
Отведите меня, что ли, в лес да перережьте горло.
Развяжите мне перед смертью руки, падлюки.
Выколите мне глаза, чтоб я не видел все это порно.
Вбейте мне в уши шомпола, чтоб я не слышал,
да и отрубите голову, чтоб я просто не мыслил.
Я поднимаюсь, – не скажу, чтобы к Господу, – но все выше и выше.
И что я там вижу? Вселенная имеет форму коромысла.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Луна еще не вышла
с заката на восток.
Коль не в подвздох – так в дышло –
усвоенный урок.
Вселенским коромыслом –
распятый небосвод.
Есть звуки, знаки, числа, –
невыраженный урод.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Я иду Такла-Маканом
по пустыне, по безмерью,
по безмирю, по бескраю,
потихоньку умирая.
На жаре гноятся раны.
В бесконечности неверья
мне не добрести до рая.
За барханом вьется стая,
она разорвет меня.
Так вся жизнь – день ото дня –
сквозь пустыню шаг за шагом,
нищеброды и сермяги,
не родившись, умираем.
Нет ворот у входа в рай.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

На Рождество Христово я повесился.
Мороз на стеклах пусть мне руны пишет.
Я презираю стойкость неизбежности,
я воспаряюсь в собственной возвышенности.
Завесьте зеркала – я буду в каждом.
Замкните чердаки – я пробираюсь.
И дверью скрипну я какой – неважно –
калитку отворять из ада в рай.
На Рождество Христово небо чистое.
Там только цыпки звезд, и нет ни облачка.
А на столе свеча, вино игристое,
цветы в вазоне да подарочек в коробочке.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

У меня в голове Кафка,
на шее зияет удавка.
У меня в голове Бортко, –
в желудке свернулась отвертка.
В моем окне – ужас Мунка,
белесый туман нibelунгов.
В моей голове Кржижановский,
«Бумага теряет терпение».
Я растекаюсь воском
по кафелю клятой империи.
Я создаю вечность,
я выражают прочность
собой. Не бесконечно
и не последняя сволочь.

ГАМАЮН

Будем проживать новую жизнь заново,
все перипетии забросим за закрома.
Уж давно не город невест – Иваново.
На текстильном заводе забрала льют да невесть чего еще там.
Тьму невесть чего выльют на головы пеплом-пожарищем.
Вся страна превращается в кокс да литой чугун
при остывших мартенах. Да где ж это видно, товарищи!
Насмехается тварь там, где в корчах горит и плавится
окончательный и бесповоротный смех Гамаюна.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

ОТГЛАГОЛЬНОЕ-III

Настучать, донести, насексотить –
этот ген из крови не выводится.
Сколько б нации ни вырождаться, –
человеческое не истребляется.

ИЖИЦА НЕ ПИШЕТСЯ

Бывают такие дни,
когда ничего не пишется,
бывают такие месяцы,
бывают такие годы.
Когда хоть в окошко взгляни,
быть может, там ты увидишь ижицу,
ты в сотый раз лезешь вешаться,
но снесут нас всех вешние воды.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

– Ухочочешься на тебя глядючи, –
говорит простишома выхухоли.
– На себя посмотри, дура, –
отвечает простишоме выхухоль.
И так бы они до утра еще спорили,
но тут пришел таксидермист
и унес выхухоль нахер.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

ДОСТОЕВСКОЕ

Мы печем куличи.
Тесто вздыбится вброд.
Есть три тыщи причин
городить огород.
Есть обряд, есть уклад,
складень в правом углу.
Мегатонны утрат
и Христос на полу.
Исковерканный крест
да попы впопыхах.
Дайте навзничь окрест
все ж мне выдохнуть, нах.
Мы печем куличи,
а в окошко снежок.
Не доедут врачи
до больного.
Бобок.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

На каждой кочке своя народность.
Свое болото все жабы хвалят.
Сосед соседа шлет в преисподнюю,
и Аввакум для нас уже – старец,
хотя ему было лет 48.
Ведь даже мне уже полтинник,
но скоро осень грехи мне сбросит
и с листопадом, и с диким ливнем.
И я под свечкой да с папироской
перезимую другую зиму.
Все строчки – криво, чертополосно,
через Чернобыль и Хиросиму.
Я здесь издохну, никто не всхлипнет,
но лишь прошу вас – разведите пеплом
мое дыханье, мой голос сиплый
над этим морем, над всей планетой.

ОБЛАКО-РАЙ

Книги, которые никому не нужны,
пластинки ---//---//---//---
диски ---//---//---//---
кассеты ---//---//---//---
фотоальбомы ---//---//---//---
Да и мы сами себе в конце концов не нужны.
В нужнике не повесить крюк.
В наушниках не запоет Гамаюн.
Всем вашим деяньям каюк.
Но всех вас давно предупреждал доктор Брюн.
У общества память аквариумной рыбки.
Могла бы быть глыбой, но стала зыбкой, негибкой.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

На негу ню наивно налюбуюсь,
неважно с кем, неважно как и где,
не нагоню небрежность поцелуя
или безбрежность в омутной воде.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Если есть океан, из него должно вытечь и море,
если есть небеса, значит ангелы в небе парят,
если мы расстаемся, то встретимся вовсе не вскоре,
на прощанье всегда незначительное говоря.
Есть ли звук у свеченья и звук ощутим ли на ощупь?
Есть ли сон в нашем сне, коль во сне никогда мы не спим?
Сколько раз в этой жизни мы будем бежать одиночеств?
Столь же часто, как в брешь незначительное говорим.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Под дождем подождем, под промозглым дождем дня вчерашнего,
прошлогоднего снега, и детских надежд, и несбывшихся грез.
И когда мы поймем, что все это не так уж и важно, но
все ж взгрустнем, и вздохнем, и продолжим свой путь не всерьез.
И хотя мы идем (нам казалось!) тропою проторенной, –
лица – в кровь, ноги – в кровь, а конца пути и не видать.
Все вокруг да околицей бродим по кругу истории
и не знаем, что нам в небесах не споют исполать...

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

У мороза выросли ноги,
у холода выросли крылья.
Все наши потуги убоги,
все наши усилия, увы, обессилены.
Холод сковал мысли,
холод сковал действия,
на холодах повисли
проводы провозвестников.
И я не выйду из сумрака,
печет ладошки блок Ада.
Те, кто еще не умерли,
выставили засаду.
Но у мороза крылья –
ангельские – до бритвы.
Мы пролетим полынью,
стыниью – найдем пустыню.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Я – камбала, рыба донная,
на самом дне общества и ползаю по дну.
На меня будто уронили валун.
За что меня так Господь изуродовал?!

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Это даже не пыль,
это просто старость.
От поросшей мхом были
ничего не осталось.
Ты ковал в злате цель
в жаркой кузне Вселенной,
ты нашел свою цепь
по мусингам-звеньям.
Это даже не грязь,
это просто ветхость.
Если жизнь удалась,
так иди по поверхности.
Если холоден Марс,
если жжется Венера,
разве жизнь удалась,
когда нет атмосферы?..
Я стою средь небес
в поистасканной куртке
в ожиданьи чудес
и чешу прибаутки.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

...и ползем мы к беде вдоль крутых берегов
философским и вдовьим своим пароходом,
мы не видим в тех берегах тусклых костров.
Там, куда мы причалим, не будет погоды.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

...и так оставляет след от вина стакан.
Нет и следа никакого от рюмки с водкой.
Но по тебе ездит шрамами Магадан,
потому что всегда мы бредем по нему околотками.
Так оставляет память в руке рука –
лишь мимолетное «здравствуй» или «прощай»,
когда на берегу бухты провожаешь сиреневый закат,
даже водки не надо – только из термоса чай.
Ну и так как ты все равно вынужден выглядывать в окно, –
а там – вечная рвань, хоть ночью, хоть утром, –
зря ты попал в это вселенское веретено.
Закружило, завьюжило, запорошило так,
что, ей-богу, даже умирать и просыпаться
здесь все равно муторно.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

В моем культурном контексте
нет никакого триколора.
Я возвращен алым знаменем,
на котором лишь кровь, кровь и кровь.
Так и запишите в своей Авесте:
я, порождение тотального террора,
буду делиться такими знаниями,
что и самому становится страшно.
Ну уж, бедное чадо,
ты только теперь ни в чем мне не прекословь.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Эти романтические бредни,
запахи костров шестидесятников
вперемешку Тундры Нижней с Верхней
не оставят нам ничьих привратников.
Мы толчемся в мраке Мунка с Босхом,
в слепоте наощупь ищем бога какого-то там
и ничьих не слышим отголосков
меж эпохами, да и давно уж по... нам.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Я еврейский татарин, родства не помнящий,
ничего-то не знаю, не понимаю.
Мне не нужно снаружи какой-то помощи,
мне брести по истории вдоль окраин.
Мне брести закоулками вдоль империи,
умудрившейся нахрен все изничтожить,
испепелить, измызгать да исковеркать,
а потом глядеться собакой в зеркало паскудной рожей.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Смотришь в окно и видишь помойку.
Не смотри на нее – гляди на небо.
Но и небо устлано тучами глубокими.
Звезд в небе несть. Есть лишь треба.
Не смотри в зеркало – увидишь рожу.
Рассматривай только детские фотографии.
Не в каждом прохожем сокрыт мой бог, но несложно
прочувствовать ритм и размер скорой эпитафии.

АЛЕКСЕЙ ГАРИПОВ

Я думал, уже не осталось красивых людей,
ан-нет, иногда попадаются все-таки,
с которыми можно вести разговор без затей,
при этом они из крыльев неведомых бабочек сотканы.

НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО

Я распостер крылья
ангелом ниспровергнувшимся,
не придавал усилия,
будучи интровертом.
Волок степью ковыль я,
сравнивал терриконы,
потерял крылья,
в церкви возник иконой.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПОЭЗИИ АЛЕКСЕЯ ГАРИПОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «ВСЁ ИЗ НИЧЕГО» (2003)

Каких-нибудь 15 лет назад десятитысячный, а порой и стотысячный тираж поэтической книжки казался маленьким – сборники популярных поэтов буквально сметали с прилавков книжных магазинов. На поэтические вечера во дворцах спорта было трудно попасть, случалось, любители рифмованных строк заполняли даже стадионы. Но и тогда существовала поэзия иного толка: тонкая, очень личная, рассчитанная не на народ вообще, а только на любителей негромкой, но глубокой лирики. «Поэзия для народа» приветствовалась, «поэзия для элиты» осуждалась и с гораздо большим трудом пробивалась в печать.

Сегодня все изменилось. И стихи «для народа», и стихи «для элиты» издаются одинаковыми тиражами: когда 1000 экземпляров, когда 500, когда даже 300.

О чем это говорит?

Я думаю, лишь о том, что поэзия вернулась к своим корням и обрела свое настоящее место. Сегодня на стадионах играют в футбол, во дворцах спорта – в хоккей. А поэзия ушла туда, где ей положено находиться, – в человеческие души.

Для кого пишет Алексей Гарипов? Иногда для одного человека. Но сколько таких одиночек по России будут готовы повторить или услышать такое, например, коротенькое стихотворение:

В длинном узком темном коридоре
тускло светит лампа в паутине.
Тихо в берег хлюпается море
на висящей наискось картине.
Если я не выпрыгну в окошко,
если ты не прыгнешь вслед за мною,
нам с тобою будет очень тошно
в этой жизни с чертовой тоскою.

Стихи Алексея Гарипова ни под кого не подлачиваются и не ста-
раются никому угодить. Главное их достоинство – искренность. Не
уверен, что их ждет легкая судьба: скорее всего, они будут ходить
по стране, негромко стучась в человеческие души.

Надеюсь, что достучатся.

*Писатель, публицист, драматург
Леонид Жуховицкий*

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «НЕСВОБОДА НЕБОСВОДА» (2010)

Когда-то знаменитый питерский театральный режиссер, измученный номенклатурными охранителями прекрасного, дал установку то ли коллегам, то ли самому себе: подпускать неприятности не ближе шерсти, иначе будет холмик. Увы, несмотря на самогипноз, скорого холмика он не избежал.

Когда читаешь стихи Алексея Гарипова, кажется, что у него нет не только шерсти, но и кожи – каждая строчка кровоточит. Как можно жить с такой реакцией на жизненные колючки?

Однако – живет, пишет, держится. Что и дает мне возможность написать предисловие к новой книжке младшего коллеги.

Чинил гитару – порвал струну.
Хотел напиться – разбил коньяк.
Я ненавижу свою страну.
Любить такую нельзя никак.

Лечил подагру и ждал весну.
Без лета осень сама пришла.
Ну, разве можно любить страну,
где три сезона, все без тепла.

А обернешься – итогов нет –
пахалолжизни, а все босяк.
Любить нет силы в такой стране,
а не любить ведь нельзя никак.

Вся книжка такая: поэт словно притягивает к себе горести и уродства реальности. Но для меня в процитированных двенадцати строчках самая главная – двенадцатая. Гарипов любит свою ненавистную страну, как родители любят тяжело больного ребенка. Болезнь ненавидят, а ребенка любят.

От поэта, как правило, ждут оптимизма. Трудно, плохо? Пускай!

Но должен же быть свет в конце туннеля. У Гарипова в конце туннеля света нет. Так видит мир. Так и пишет. Поэтому тот, кто хочет за чаем побаловать себя стишками, пусть сразу закроет эту книжку. Нет у автора веры в будущее! У меня есть, а у него нет. Вот такой человек. Однако в своем угрюмом взгляде на действительность он не одинок – нынче пессимистов хватает. А раз они есть в жизни, должен ведь кто-то и в литературе говорить от их имени. Вот Гарипов и говорит.

Полтора века назад гениальный Герцен с беспощадной точностью сформулировал не единственную, но необходимую задачу пишущего человека: мы не врачи, мы боль. Словно о Гарипове сказано.

Поэтов часто называют пророками. Подтверждений тому много. Блок в начале прошлого века ощущил приближение огромной войны – через десятилетие она началась. Маяковский обнародовал дату грядущей революции, ошибившись всего на год, Хлебников назвал точно – семнадцатый. Я все же думаю, что поэты не пророки: они пишут о том, что тревожит и мучает, и, если реальность совпадает с их предчувствиями, их и возводят в нострадамусы. От всей души желая Алексею Гарипову счастья и успехов, все же надеюсь, что его мрачные предсказания не сбудутся.

*Писатель, публицист, драматург
Леонид Жуховицкий*

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «НЕБО НОЯБРЯ» (2014)

«Когда бы вы знали, из какого сора растут стихи...» – писала Анна Ахматова, давая понять, что сыгравший свою субстратную роль сор все же остается за пределами поэзии и, соответственно, читательского ведения. Однако времена изменились. Не так давно – лет тридцать назад. То, что было когда-то затекстовым материалом, нуждавшимся в творческом преобразовании, само стало поэтической темой, точнее, необозримым набором тем – от проблем собственного организма до навеянных этими и прочими житейскими неурядицами размышлений о человеке, об истории, о России, о Боге. Безоглядное смешение высокого и низкого, надо признаться, производило поначалу впечатление новизны: очень уж приелаась поэтическая «гладкопись» предшествующей эпохи.

Родившись, «новая русская поэзия» сразу же определилась в двух основных модусах – ироническом и «откровенном», как его понимают на Руси: всю правду вам сейчас о нашей проклятой жизни... со всеми ее безобразиями... нутро наизнанку... Собственно, обе разновидности, различаясь приемами, были разоблачительными, но атаковали не столько действительность, сколько старую литературность. Представители одного направления смеялись над тем, что раньше охранялось поэтическим этикетом, представители другого экспрессивно каталогизировали бытовые раздражители, стараясь зачерпнуть со «дна» жизни – чтобы погуще и погрязнее.

Своим качеством «новая» поэзия, несмотря на открывшуюся перед ней свободу самовыражения, необыкновенно сузила возможности эстетического одобрения: ироников принято стало хвалить по большей части за изобретательность в конструировании пронизанных насмешливыми аллюзиями текстов (именно текстов, а не стихотворений), а вещателей нелицеприятной правды – в основном за искренность.

Шли годы, беспощадные, как принято добавлять, годы. «Новая» поэзия, которую параллельно называли еще и «молодой», потихоньку утрачивала оба названных качества. Как-то вдруг ирония обернулась претенциозным инфантильным ерничеством, а «беспощадная правдивость» – возрастным брюзжанием по мелочам. Хуже того – оттолкнувшись от литературщины предшествующего этапа, «новая» поэзия со временем выработала собственную и перестала быть обещанием чего-то свежего, неожиданного: тут на тренированно острят, там – привычно ворчат на судьбу...

Что ж поделаешь – поэзия непоэтической эпохи! Фигура страдательная. Как и все, кто связан с ней, – пишущие, издающие, читающие. Как быть? Обыкновенно: так же писать, издавать и читать, браниться, не питая надежды на скорые радостные перемены, но и не пропускать мимо удачной строчки, полустрочки, хорошего слова, – создавать движение. Едем, едем – где-то будем... Бывают времена, когда простое шевеление этой триады – поэт, издатель, читатель – позволяет поэзии хотя бы не умереть. Этого мало?

*Профессор Северо-Восточного
государственного университета,
доктор филологических наук
Виталий Пинковский*

ЭПИЛОГ К КНИГЕ «НЕБО НОЯБРЯ» (2014)

Алексей Гарипов прежде всего нуждается в представлении. Он родился в 1970 году в Донецке, но с четырнадцатилетнего возраста живет в Магадане. Окончил мореходное училище, «ходил под парусами „Седова“, ловил морских гадов в Охотском и Японском морях». Вместе со всей страной развалился и рыбфлот, и Гарипов «подался в филологию». Судя по стихам, она и была его призванием (о том же свидетельствуют многочисленные нити, связывающие его с мировой литературой и латинской грамматикой). В Магадане он работает редактором. Автор нескольких книг стихов, но я знаю только три, а цитировать буду две: «Несвобода небосвода» (Магадан: «Охотник», 2010) и «Все из ничего» (Магадан: «Кордис», 2003). К обеим написал предисловия Леонид Жуховицкий. В последний сборник Гарипов включил и несколько стихов из более раннего, что позволяет мне говорить, не разделяя их. Кто верит в мистику чисел, решит, что сама судьба назначила Магадан местом жизни Гарипова. Гулаговский Дальстрой был организован 13 ноября 1931 года. 13 ноября, но на тридцать девять лет позже родился Гарипов, о чем он пишет так:

Я родился в один день с Дальстроем,
на сорок лет позже.
Десять лет ходил я для вас строем,
Нас били по роже.
Я пять лет на плацу тянул ногу,
равненье – на зверя.
В двадцать лет я уверовал в Бога,
А в тридцать – не верю...

Первый сборник заканчивается стихотворением «Я Гарипов Алексей»: «Я Гарипов Алексей, / я татарин и еврей, / я лихой донской казак, / мой прадедушка был дьяк, / прадед по отцу – мулла, / я люблю колокола./ Я по паспорту хохол./ Я люблю весь женский пол./ Я Гарипов Алексей,/ я, не знающий корней,/ я не помнящий

родства, / марширующий ать-два...». Из такого теста и слеплены жители огромной России, о чем дважды сказано без обиняков, например, в следующем стихотворении: «Онанирующие неонацисты, / взмахивающие ручонками в приветствии лжеидеи. / Покопайтесь в их родословной, / и у каждого в крови – татары и иудеи. / Кровь-то на всех одна, / и у всех она, ох, красна...»

Со страниц книг Гарипова встает, хотя уже не гулаговский, но безнадежный и беспросветный Магадан: «Лето – серною гарью. / Это пьяные хари. / Это тухлые стоки / из-под ржавой помойки. / Это куча фекалий / человека и зверя / посреди магистрали / и под собственной дверью. / Лето – время злодейства / за рекой в перелеске. / В полутемном подъезде / человечьи обрезки. / Это брызги жаргона / оскотевшего хамства. / Это вечная зона. / Лето – хмарьмагаданства». «В этом городе нету фонтанов, / летом здесь не бывает грозы. / В этом городе ватных туманов / права нет проронить и слезы. / В этом городе пьяных кошмаров / остывают сердца и дома. / Здесь безвременье валит с удара / наповал, низводя нас с ума». «Отсюда уехали или уедут. / Об этом месте никто не бредит. / Об этом крае никто не мечтает. / Жизнь ни хорошая здесь, ни плохая, / жизнь здесь попросту никакая. / Все живое здесь вымирает / да родиться не успевает».

Большая Россия с ее столицей выглядит немногим лучше:

Мать по утрам разносит почту,
А по ночам моет чай-то офис.
Некогда ей квохтать квочкой
Над тобой, бритый оболтус.
Шибаешься по подвалам пьяным,
Приходишь домой утром рваным.
Мать снова упала в запой с дивана.
Отца ты не помнишь – ушел он рано.
Ты – арий, ты – рэпер, ты – пролетарий,
но нет для таких, как ты, лепрозориев.
Ползет по дороге стариk – ударь его.
Летит семиклассница. Что ж? Ты – горе ее.

Китаец один не ходит по городу.
Навстречу ему – орава с битами.
Лишь он виноват, что ты пухнешь с голоду.
Россия для русских! Россия бритая.

«В этой стране нельзя / ни жить, ни родить, ни дышать./ Не на Луне был взят / вирус антиматерии./ Выпал народу блиц: / рвать, предавать, стучать. / Не рисовать границ / лживой империи». «...Москва белоглазой чудью пляится, / на всю страну похотливо облизываясь./А провинция... – / провинция все так же вешается и валится / в запой, в беспамятство, себя нанизывая / на иглу нищеты, впадая в тоску. / И теперь даже некому ехать в Москву». Вначале, вслед за эпиграфом из Маяковского, говорится: «Три тысячи и три сестры / поэта неистового и сурового, / мчаться в столичные шатры / отдаваться за полцелкового».

Умереть в России нетрудно, но о смерти Гарипов, дошедший лишь до середины жизни, ничего достоверного знать не может. Зато он хорошо осведомлен, что значит родиться в России: «Родиться в России – / это значит / услышать первым словом / добрый мат пьяной акушерки: – А ну, кричи, засранец... твою мать...» и т. д.

В «Несвободе небосвода» есть трогательное стихотворение:

Чинил гитару – порвал струну.
Хотел напиться – разбил коньяк.
Я ненавижу свою страну.
Любить такую нельзя никак.
Лечил подагру и ждал весну.
Без лета осень сама пришла.
Ну разве можно любить страну,
Где три сезона, все без тепла.
А обернешься – итогов нет.
Пахал полжизни, а все босяк.
Любить нет силы в такой стране,
А не любить ведь нельзя никак.

Жуховицкий прочитал его мельком и написал: «...для меня в процитированных двенадцати строчках самая главная двенадцатая.

Гарипов любит свою ненавистную страну, как родители любят тяжело больного ребенка. Болезнь ненавидят, а ребенка любят». Жуховицкий увидел то, что хотел бы видеть, вариацию на тему «Люблю отчизну я, но странною любовью» или «Но землю, с которой вместе мерз, такую забыть нельзя». Однако Гарипов вовсе не говорит, что такую страну нельзя не любить, а что в такой стране, где все – мерзость запустения, и любить нет сил, но нельзя не любить: жить-то надо, хотя впереди все заволокло ватным туманом. «Я люблю родину, / я очень люблю родину / за то, что я неугоден ей, / что не вручила ордена. / Да, вроде, пока не за что / ко мне орденам вешаться, / пока я не стал беженцем. / Закаты еще брезжутся, / да раны еще брызжутся / на непорочную ижицу...» и «Я не стану ничьим поэтом, / я не буду твоим ответом, / я тебя никому не выдам, / но бессилен я перед быдлом».

Хотя я и говорил об обоих сборниках как о чем-то нераздельном, они заметно отличаются друг от друга. Молодой Гарипов был весь во власти футуризма, особенно раннего Маяковского, восхищения перед которым и не скрывал. Кубистические иллюстрации подчеркивали связь с той эпохой. От нее вызывающие броские образы, ломаный ритм, изобретательные ассоциации и презрение к банальной рифме. Несколько прекрасных любовных строк (вроде: «мы спешим согрешить в ожиданье разлуки») почти не имели продолжения. Поэт смазывал карту будня и заявлял: «Я обесточу провода / и выключу на небе звезды». К 2010 году все обесточено. Период восторженного ученичества подошел к концу. От старых тем осталось лишь неприятие окружающего мира. Скупее стали и средства выражения – обычная плата за зрелость. Невозможно предсказать, что произойдет с поэтом в будущем. Тиражировать себя молодого – занятие непривлекательное. Я думаю, что в каких-то существенных чертах стилевая манера Гарипова изменится, а душевная чуткость и искренность останутся прежними.

*Профессор Миннесотского университета,
лингвист, литературовед, поэт, переводчик,
критик Анатолий Либерман*

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «Я УШЁЛ» (2016)

ПОЭЗИЯ УХОДА

Нет привычки более странной, чем выражать свои мысли специально организованной речью, но ее усвоили на протяжении веков миллионы людей. Каковы бы ни были исторические корни поэзии, у одних потребность рассказать о себе в стихах постоянна (подъехал ли под Ижоры; оставил ли «прелестного друга» дремать, а сам побежал на речку; прочел ли возмутительную статью в газете), а для других лирика – замученная падчерица: ей поверяют только самые горестные мысли. К этой, второй категории принадлежит Алексей Гарипов. Кажется, что он сочиняет стихи, то яростные и грубые, то приближающиеся к исповедальной невнятице, чтобы выжить, будто избавляется от яда, который денно и нощно отправляет его, и не обращены они ни к друзьям, ни к возлюбленным, а лишь к космическим силам. Все в них мука без катарсиса. Инородным телом выглядит случайная проговорка:

Наверное, я идиот,
Но жизнь по-прежнему – чудо.

Естественнее звучат признания:

Сегодня нельзя повеситься,
Но ведь нельзя и потом

и

Я не выселюсь ни на какой Вселенной.

Гарипов рвется прочь из города, в котором живет, и из времени, в котором ему довелось родиться (отсюда и название сборника). Естественно, что ни то, ни другое ему не удается. Никто не найдет в его стихах утешения, но многие встретят родственную душу. Не он один с ужасом смотрит на постыдное прошлое, на мракобесие вокруг себя и на безнадежность того, что нас ждет. Его стихи ро-

дились не из пессимизма, а из отторжения от действительности, и самое частотное слово в них – отрицание «не». Они колеблются между проклятиями отверженного и бормотаниями живого трупа:

В начале мая снег, а в январе капель,
И никому ни холодно, ни жарко,
И ничего с того, что труп Земли сопрел,
А мы в ней копошимся, как огарки

и

Но если мир не выключить весь сразу,
То превратишься в сгусток целлюлозы.

Только открыв первую страницу, мы узнаем, что в небесах, которые видит Гарипов, цинк и свинец, а мысль под ними шаблонно-чугунна. Человек, попавший в его среду обитания, мертв:

Трупам ни к чему последний опыт.

Но вот удача:

Мы здесь в крови по щиколотку
Лишь потому, что стекает все в реки.

Могли и захлебнуться. Такому душевному излому требуется соответствующее словесное выражение. Содержание лирики – это всегда ее форма, и стихи Гарипова – еще и потому настоящая поэзия, что их невозможно пересказать прозой. Им противопоказаны ровные, убаюкивающие рифмы, аккуратно сосчитанные слоги и хорошо пригнанные друг к другу слова.

Гарипов начинал свою поэтическую карьеру как футурист, никуда от русского футуризма не ушел, но он давно уже ничей не подражатель и не ученик. От Маяковского осталась лишь один раз прокользнувшая и, видимо, незамеченная рифма «будням – студня». В стихах преобладает нарочито неточная рифма (но ассонанс чаще всего выдержан), размер полусвободный, а лексика мало что заимствовала у изящной словесности: сленг редок, но заметно желание сказать что-нибудь нетривиальное, замедлить чтение:

Крылья ангела тебе невпопад,
Крылья демона тебе жмут в плечах.

Моль под дустом, как называет себя Гарипов, едва ли может говорить иначе, и повторю:

В этом постапокалиптическом пространстве
Не остается места ни тебе, ни мне...

Но остается место стихам (они умрут последними), в том числе и этим.

*Профессор Миннесотского университета,
лингвист, литературовед, поэт, переводчик,
критик Анатолий Либерман*

РЕЦЕНЗИЯ В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ»
№ 24 (6602) ЗА 21 ИЮНЯ 2017
К КНИГЕ «Я УШЁЛ» (2016)

БЕГСТВО В НИКУДА

«Я ушел» – это четвертая книга магаданского поэта Алексея Гарипова, в которую вошли стихотворения 2014–2016 годов. Стихи Гарипова – это выплеснутая на бумагу боль, тяжесть от собственной неприкосновенности, чуждости окружающему миру. Для его лирического героя реальность – словно каменистая почва, в которую он никак не может врастить корнями своей души: эта почва его отвергает. В этом ощущении чуждости – истоки страшных, отталкивающих образов мира, свойственных поэзии Гарипова:

Каждая ночь – бессонницей.
Каждый рассвет – бессмыслицей.
Солнце – кровавая конница.
Небо – железная виселица.

Неудивительно, что из такого мира хочется сбежать. Мотив бегства, исчезновения – еще одна сквозная тема творчества Гарипова. При этом постоянное желание его лирического героя уйти – это вовсе не поиск иного, лучшего места, а просто желание раствориться. Перестать быть.

...либо грохнуться оземь,
Либо в горячую точку,
Иль на край света,
Иль на другую планету.

Поэтические образы книги «Я ушел» мрачны, но при этом объемны и по-настоящему художественны: «Во мне душа обесс trunena, а звезды обесполынены»; «Небо свинцовым кастетом бьет тебя с правой в висок»; «Растекаются по венам неба пыль, планет известка»...

Книга производит впечатление крайне тоскливоое, как монотонный ледяной дождь, временно укрывающий зябкой пеленой все

смыслы этого мира. Безусловно, это стихи «не для всех», но и у них есть свой читатель – такой же отягченный постоянным ощущением чуждости, а потому не понаслышке знающий то, о чем пишет поэт. Читатель, понимающий и принимающий многочисленные оттенки безысходной неприкаянности, звучащие в поэтических строках Гарипова.

Усиливают это впечатление атмосферные черно-белые иллюстрации, выполненные известным магаданским художником Александром Пилипенко. Предисловие к сборнику написал профессор Миннесотского университета, литературовед, переводчик и критик Анатолий Либерман.

*Литературный критик
Людмила Тарасова*

ФРАГМЕНТ ОТЗЫВА
НА КНИГУ СТИХОВ
«НЕБЕСНОЕ КОРОМЫСЛО»

ЗЯБЛИК ЛЕТЕЛ НАД ВОБЛЕЙ

Алексей Гарипов живет в Магадане. Становление Алексея и как поэта, и как человека пришлось на самые беспросветные 90-е годы...

Стихи поэта, беспросветно депрессивные, возвращают меня в ту эпоху. Они эмоциональны и откровенны – в этом их и ценность. Свидетельство эпохи. Автор – герой нашего времени, лишний человек и т. д. на новый лад.

Имярек, нареченный Фомой, без веры,
За пазухой с фомкой, до высшей меры
Беру все от жизни, не зная меры,
Из всех имен не люблю лишь Веру.

...И «брать от жизни все» – заведомо перебор – проиграешь. Но так жило поколение.

Отсюда уехали или уедут.
Об этом месте никто не бредит...

Это правда, теперь никто не едет «за туманом. За туманом и за за-
пахом тайги».

Едут мыть золото. Едут за лососевой икрой.

А поэтический «зяблик» Алексея Гарипова «летит над Воблей...»
Есть такая речка (29 км) – приток Оки (О как!). Есенинская Русь.

Название речки Вобля происходит от междометия, означающего крайнее удивление и озадаченность от неожиданной неприятности. Без бутылки не разберешься...

Алексей Гарипов – настоящий поэт. Как всякий художник, он связан со своим временем не столько тематически, сколько поэти-

ческой техникой. И это удивляет больше всего... Его стихотворение «Время и стекло» дышит новой метафорой, основанной на каламбуре, созвучии разных слов. Мы слышим (Время и стекло) «время истекло», то есть конец, все – вдребезги! Жизнь – хрупкая штука...

Поэт Иван Шепета

СОДЕРЖАНИЕ

Черное молоко созвездий. Галина Склейнис	4
ВСЁ ИЗ НИЧЕГО. 2003	
«Я поэт. Я – поэт!..»	9
Офелия	10
«Благодарение в нагаре, сник покой...»	11
«Любимых песен гул...»	12
«Прежней сути остав – пустотой без изъятий...»	13
Фрески	14
«Стеклянный глаз луны...»	15
Сокращение Сократа	16
Европеоидное	17
Футурологический брус современности (Футуробус)	18
«Убегать от холода в постель...»	19
«Я сторож. Я сижу на стреме...»	20
«Стократ Сократ твердил Ксантиппе...»	21
«Хорошо, если снег, хорошо, если дождь...»	22
«Родиться в России...»	23
«Низко-низко тучи стелятся...»	24
«В пургу блуждают мертвецы...»	25
«Выкуривая пачку за ночь...»	26
«Быть может, я к тебе приду...»	27
«Из расковырянных глазниц...»	28
«Я обесточу провода...»	29
«Я изблюю тебя из уст моих...»	30
«В современных мужчинах, представленных женщине женщиной...»	31
«Я теперь семьянин, папочка...»	32
НЕСВОБОДА НЕБОСВОДА. 2010	
«...Бабки так и сидят у разбитых корыт...»	37
«Как ни свет ни заря...»	38
«Как присел Иван...»	39
«Имярек, нареченный Фомой, без веры...»	40
«Пустельга гнездится в древоместье...»	41
День ведра	42

«Я люблю родину...»	43
«Я бы придержал шаг...»	44
Время и стекло	45
«Совок неистребим, и это знает каждый...»	46
«Превратиться в змею, обернуться вокруг батареи...»	47
«Я пишу при свече...»	48
Цели воспитания	49
«Время не сжимает пространство...»	50
«Отсюда уехали или уедут...»	51
«Я не стану ничьим поэтом...»	52
«Портфель в России больше чем портфель...»	53
«Из России с похмелья не помня какого дня...»	54
«Мы пережили царство хама...»	55
«В этом городе нету фонтанов...»	56
«Город, хмурый с похмелья...»	57
«Убитый день крошил стекло...»	58
«Чинил гитару – порвал струну...»	59
«З тысячи и три сестры...»	60
«Мать по утрам разносит почту...»	61
«Мы не принимали участия...»	62
Xenos	64
«Дрыхнут попы в Синоде...»	65
«На любую революцию...»	66
«Глас демократии тихо тухнет...»	67

НЕБО НОЯБРЯ. 2014

«Он бесшумно ходил по дому...»	71
«Дождь. Кошки сонные...»	72
Могила	73
«Ты не хочешь меня хоронить...»	74
«Кто-то должен зарабатывать какие-то деньги...»	75
«Мы, словно меганасекомые...»	76
«Как в осень золотую...»	77
«Когда ты бредешь, продираясь в тумане...»	78
«Выходные...»	79
«Где смысл бытия стерт...»	80
Нет сквернопахнущих профессий	81
«Поры пропитаны никотином...»	82

«Так и бредем по одному пути...»	83
«Пил три дня...»	84
Бомбардировщик	86
Старый Новый 2014	87
«В храме горланим...»	88
«Точки лис Маяковского...»	89
«Наложено вето...»	90
«Любая выставка – скандал...»	91
Резистенция диссиденции	92
«Чем дышали, чем жили...»	93
«Из хлеба будем делать сухари...»	94
«Ты вышла на простор остекленелый...»	95

Я УШЁЛ. 2016

«Есенин – баба красная...»	99
«Хочется, понимаешь ли, помереть не дома...»	100
«Во вторник выдалась среда...»	101
«Ницше грезил сном чудовищ...»	102
«В начале мая снег, а в январе капель...»	103
«Каждая ночь – бессонницей...»	104
«Бредово-бордовые...»	105
«Всю ночь кошмары снились...»	106
«Беззвездны весны...»	107
Целлофановый цефал	108
«Могендовид на плече...»	109
Напрасность	110
Отлагольное	111
«Это подлость, это ложь...»	112
«Широка ты, Русь...»	113
«Когда перевалим полдень...»	114
«Ах, держава мохнорылая...»	115
«Кругом такая кафка...»	116
Mayday	117
«Небо свинцовым кастетом...»	118
«Привычка сбиваться в стадо...»	119
«Мандала без Шамбалы...»	120
Слепота	121
«В ртутном воздухе цинковый ветер...»	122

«Бился о небо, словно о купол...»	123
Вовне	124
«Я ушел. В параллельной реальности...»	125
Инопланетянка	126
«Я слепой старый пес...»	127
№ 134340	128

НОВОЕ. 2017–2020

Верхние Люди	132
«...и когда оймяконский циклон уйдет...»	134
«От холода стынут мысли...»	135
«Ты сидишь на склоне сопки...»	136
«В бесконечности...»	137
«Пора перечитывать Савинкова...»	138
«Мегастих магаданства...»	139
«Во внешней политике...»	140
«Уйти, что ль, в Харе Кришну...»	141
«Утро перламутровое...»	142
«Я должен исчерпать звезду...»	143
«Шизокрылые ангелы в небе стенают...»	144
«Эйфория – сон – депрессия...»	145
«Я продолжаю жить...»	146
«Пиши по буху...»	147
«Покажите мне воочию ваши чистые руки, суки...»	148
«Луна еще не вышла...»	149
«Я иду Такла-Маканом...»	150
«На Рождество Христово я повесился...»	151
«У меня в голове Кафка...»	152
Гамаюн	153
Отлагольное-III	154
Ижица не пишется	155
«Ухоочешься на тебя глядючи...»	156
Достоевское	157
«На каждой кочке своя народность...»	158
Облако-рай	159
«На негу ню наивно налюбуясь...»	160
«Если есть океан, из него должно вытечь и море...»	161

«Под дождем подождем, под промозглым дождем дня вчерашнего...»	162
«У мороза выросли ноги...»	163
«Я – камбала, рыба донная...»	164
«Это даже не пыль...»	165
«...и ползем мы к беде вдоль крутых берегов...»	166
«...и так оставляет след от вина стакан...»	167
«В моем культурном контексте...»	168
«Эти романтические бредни...»	169
«Я еврейский татарин, родства не помнящий...»	170
«Смотришь в окно и видишь помойку...»	171
«Я думал, уже не осталось красивых людей...»	172
«Я распростер крылья...»	173

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПОЭЗИИ АЛЕКСЕЯ ГАРИПОВА

Предисловие к книге «Всё из ничего» (2003)	174
Предисловие к книге «Несвобода небосвода» (2010)	176
Предисловие к книге «Небо ноября» (2014)	178
Эпилог к книге «Небо ноября» (2014)	180
Предисловие к книге «Я ушёл» (2016)	184
Рецензия в «Литературной газете» № 24 (6602) за 21 июня 2017 к книге «Я ушёл» (2016)	187
Фрагмент отзыва на книгу стихов «Небесное коромысло»	189

Алексей Амирович Гарипов

Небесное коромысло

Стихи. Избранное

Редактор-составитель:

Павел Жданов

Оригинал-макет, верстка:

Андрей Осипов

Книга выпущена при поддержке друзей и почитателей поэта:

Вячеслав Исаиченко, Светлана Исаева, Ирина Колесова,

Петр Голубовский, Анна Исаиченко, Татьяна Груздева,

Александр Пилипенко, Андрей Водолажский, Анастасия Якубек,

Николай Добротворский, Светлана Гореликова,

Виктория Карапанова, Павел Мамренко, Елена Хаменкова,

Андрей Осипов и Павел Жданов

Подписано в печать 13.11.2020 (в день рождения Гарипова)

Формат 160×220 мм. Гарнитура РТ Sans. Печать офсетная

Тираж 300 экз.

Издательство «Охотник»

685000, г. Магадан, ул. Пролетарская, 11, офис 402.

Телефоны: +7 (4132) 63-18-15, 66-50-06,

эл. почта: oxotnik@online.magadan.su

info@hunterpress.ru

www.hunterpress.ru

Отпечатано в типографии «Любавич»
194044, г. Санкт-Петербург, ул. Менделеевская, 9